

Елена Гивер



Приключения славянки

Ги́ла ве́ры

Елена Сивер

**Приключения
славянки. Сила веры**

«Автор»

2026

Сивер Е.

Приключения славянки. Сила веры / Е. Сивер — «Автор», 2026

На Руси неспокойно. Ходят тревожные вести: с западных земель идёт новая вера, несущая угрозу древним богам и устоям. Люди всё чаще склоняют головы перед чужеземными проповедниками, забывая о силе Перуна и мудрости Макоши. В это нелёгкое время Богине Моране предстоит сделать выбор: продолжить вражду с родной сестрой - Богиней Осени, или объединиться ради спасения мира. Судьба готовит им нелегкое испытание — опасное путешествие по просторам Руси-Матушки. Вместе с верным другом-волкодлаком и духом леса Морана отправится в путь, чтобы узнать правду о новой вере и найти способ спасти древних богов от забвения.

© Сивер Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	58
-----------------------------------	----

Елена Сивер

Приключения славянки. Сила веры

Глава 1

И богиням ничто человеческое не чуждо.

Я задумчиво смотрела на зелёную гладь озера, по поверхности которого весело скакали разноцветные блики уже по-летнему жаркого солнца. Было тихо, только порой где-то неподалёку удивлённо цокала белка, да усердно долбил сосну дятел-работяга. Всё живое радовалось теплу и свету. Кроме меня. В моей душе было холодно и по-зимнему тоскливо.

Сколько прошло времени с того дня, как Ставр появился в моей жизни снова? Три месяца? Полгода? Да это и не важно. Время – ничто. Оно не имеет совершенно никакой ценности. Ни для меня. Ни для него. Он был прав – мы вне времени. Также как и наша любовь. Также как и наша ненависть. Наша злоба. Отчаяние. Одиночество. Они безвременны. Они вечны...

«Нужно возвращаться. Здесь уже никто и ничто не держит меня».

От этой мысли сердце сжалось сильнее, а на глаза навернулись слёзы.

Я повернулась к одинокой, лесной избушке. Казалось, что и она скорбела, тоскливо застыв, молчаливо оплакивала своего бессменного хозяина. Я тихонечко подошла к дому и ласково провела рукой по шершавому боку. Заботливо пересчитала тёмные от времени и дождей венцы, поросшие золотистым мхом. Потом опустилась на крылечко и обвела взглядом полянку.

Скоро лето возьмёт власть в руки и запустит живительные пальцы во всё вокруг. Незаметно зарастут тропки, что когда-то вели в этот тихий и ставший родным уголок. Подкрадутся к самым стенам кусты малинника. Оплетут ступени, запустят корни в ветхие венцы разнотравные сорняки. Кровлю застелет сплошным ковром лебеда да крапива и лес окончательно задушит в объятиях маленькую золотистую избушку Трута.

Внутрь заходить я не стала, боясь, что нахлынувшие воспоминания окончательно подорвут нервы, и я останусь там, в надежде, что лес поглотит вместе с избушкой и меня. Поглотит и убаюкает в зелёных объятиях, спрятав ото всех на свете. Да, это то, что нужно – раствориться здесь навеки. Я закрыла глаза, будто готовясь стинуть под слоем мха и жгучей крапивы уже сейчас...

Заблудилась, красна девица? – вдруг вернул меня из зыбучих песков отчаяния и самоуничтожительных помыслов в явь звонкий мужской голос.

Я моргнула и, подняв голову, уставилась на обладателя сих спасительных слов (ну да, именно спасительных, а то мало ли что).

Почему сразу заблудилась? – грубовато буркнула я.

А потом поняла. Сiju тут, горемычная, посередь глухого Заповедного Бора, сопли на кулак наматываю, глаза ещё, поди, красные. Естественно, первое, что придёт на ум стороннему наблюдателю – заблудилась.

Как это с чего? Сидишь тут одна, ревьешь в три ручья. Заблудилась, значит, подтвердил наблюдатель версию увиденного.

Не заблудилась.

А что тогда?

Топиться пришла. Сейчас вот поплачу над судьбинушкой своей загубленной и фьють! Головой в омут кинусь. А ты мне мешаешь, между прочим.

Топиться? – парень озадаченно поскрёб гладкий подбородок и с сомнением глянул на предполагаемое место утопления. – Где ж ты там омут-то найдёшь? Там лягушкам раздолья

никакого, а тут ещё ты. Не, не выйдет утопиться, мелкогато! Но раз такое дело, могу подсказать отличное озерцо. Тут неподалёку. Если конечно не передумаешь, подмигнул мне он.

Я возмутилась.

Ага, подскажешь даже?

Определённо!

А ты, собственно, кто таков будешь? – с этими словами я смахнула уже подсыхающие слёзы и резко поднялась с завалинки.

Я? Ну, я это... созерцатель прекрасного, нашёлся парень и расплылся в широкой улыбке, нахально при этом созерцая мои прекрасности.

Я недобро прищурилась, рассматривая наглеца в ответ. Так-так, что же тут у нас.

Высокий, прямоплечий, ноги не колесом. Это ладно, а дальше обтрёпанные заплатанные порты, расхлябанные стоптанные лапти, рубаха не первой свежести и почему-то надета наизнанку, зато красным кушаком подвязана. Жулик что ли? Бандит с большой дороги? Убийца малолетних, вор-грабитель, насильник молодых дев? Вот ведь нелёгкая принесла! И почему вечно *такие* попадают на мою голову?

Так, что у нас ещё: котомка за спиной, каштановые кудри до плеч. На тонких губах играет озорная улыбка, образуя на щеках забавные ямочки. Выбрит гладко (что совершенно странно для бандита), прямой красивый нос с узкими ноздрями, но самое главное – пронзительный взгляд невозможно ярких зелёных глаз. У простых людей таких очей не бывает. Диковатые, светящиеся будто изнутри яркие смарагды с маленьким чёрным зрачком, совсем не реагирующим на свет... Точно такие же глаза были у... Не может быть! Я вновь быстро оглядела незнакомца с ног до головы и удивлённо выдохнула:

Вот леший!

Улыбка парня сразу померкла.

Догадалась, да, немного даже обиженно молвил он. – Вот только визг-писк поднимать не надо, ладно? А то я вас, девок, знаю. Как углядят во мне лешего, так тут такое начинается: чураются, плюются, причём плюются-то не через плечо, а в меня почему-то! Самые бойкие в драку лезут. Да, и такое было. Кидают чем ни попадя, повезёт, если грибами из туеска, а бывает и камнями кидаются или ещё чем потяжелее. Однажды правда, девица одна, увидала меня и давай рубаху с себя стягивать, потом шиворот-навыворот напялила и довольная. Я в целом тоже обрадовался. Эх, чаще бы вот так..., мечтательно закатил глаза леший.

Я же, молча, скрестив руки на груди, наблюдала.

Ну, а ты чего удумаешь? Визжать будешь? Драться? Или сразу в услужение ко мне пойдешь? Рубахи штопать, кашеварить, избу прибирать, да любиться со мной под луной?

Я те щас полюблюсь! И под луной и при луне, и на луне тоже, многообещающе посулила я зеленоокому нахалу, и стала рукава закатывать, чтоб сподручнее колдовать было, да нас прервал невесть откуда взявшийся Варс.

А, уже познакомились? – филин грузно плюхнулся мне на правое плечо, и я невольно присела.

Нет, совсем уже старичок раздобрел на дармовщинке. С тех пор, как вернулись под родимый кров, Варс совершенно разленился и перестал охотиться. Только и знает, как от насеста к полной кормушке и обратно летать. Надо бы взять под надзор распорядок дня нашего Варсонофия, норму питания и объём съеденного. А то так скоро мне его самой таскать на руках придётся, как какого-нибудь котяру ленивого.

Нет, мы как раз в процессе сего увлекательного действия, мило проворковала я, при этом хищно сверкая глазами в сторону лешего.

Оно и видно. Что ж, позволю себе вмешаться, дабы по итогу сего процесса мы не лишились второго лешего за последние полгода, выразительно расширил на меня жёлтые глазища Варс.

Я признать, смутилась. Совсем чуточку, но и этого было довольно. До меня вдруг дошло, что я чуть не пристукнула нового хозяина леса. Макошь бы меня за это точно не похвалила, учитывая все прискорбные события, случившиеся в мою смену. Двух леших за полгода угробить!

Эээ...ну...хм..., промямлила я что-то совсем невразумительное, но потом взяла себя в руки и выдавила более внятное. – В общем, добро пожаловать в Заповедный Бор.

Добро? Хм.... Если вы всех таким «добром» привечаете в вашем Бору, то боюсь представить, как будет выглядеть худо. Но так и быть, спасибо за радушный приём. Я – Вяз, будем знакомы.

Морана.

Морана? Ого! Не ожидал. Тогда оно и понятно. Что ж, вдвойне приятно познакомиться, богиня, леший почтительно склонил голову, а потом с любопытством глянул на меня.

Повисла неловкая пауза.

А с Варсом вы когда успели познакомиться? – попыталась завязать я беседу.

Макошь просила меня встретить Вяза и проводить сюда, ответил филин. Вот только он немного опередил меня... и хм...первым к избушке пришёл, смущённо закончил советник.

Нет, определённо птицу закармлили, раз он медленнее лешего по лесу передвигается! Но сейчас не это меня задело больше всего.

Почему Макошь сказала проводить его именно сюда? – нахмурилась я.

Ну...э-э-э...избушка ведь пустовала, а так..., замялся Варсонофий.

Не пустовала! Сюда приходила я! И вообще, она не имела права, не спросив меня... селить сюда всякого...всякую... нечисть, сквозь зубы процедила я.

Морана, по-моему, сейчас ты не очень вежлива, зашептал мне в ухо Варс.

Я передёрнула плечами. Ему не понять. Никому не понять, что значило для меня это место. Что ж, и плевать. Я больше не пыталась быть приветливой, поэтому буркнула:

Что ж, раз так...С заселением. Успехов в труде. Прощайте.

А? растерялся леший.

Морана, но также нельзя, зашипел советник, но я раздражённо стряхнула с плеча Варса и грозной тенью зашагала прочь.

Не обращай внимания, у неё м-м-м...тяжёлый жизненный период, услышала я за спиной извинительный тон филина. – И характер такой же.

Я неслась сквозь лес как лосиха, ужаленная пчелой в одно место, не разбирая дороги, лишь бы подальше от этих двух, лишь бы подальше от избушки, подальше от воспоминаний и боли, что всколыхнули в моём сердце эти воспоминания. В итоге, сама того не замечая, я набрела на владения Мирта. Интересно, он сейчас дома?

Пройдя по знакомой, едва заметной стежке, я вышла на небольшую прогалину, где ютилась маленькая неприметная полуземлянка.

«Лишь бы застать».

Только сейчас я вдруг ощутила, как сильно соскучилась по несносному волкодлаку. Да и знамо ли, целых три месяца не виделись. Хотя и по моей вине. Я избегала всех. Даже тех немногих, кто пытался мне помочь, поддержать в трудный период. А он пытался, искал, выспрашивал, хотел быть рядом. А сейчас? Будет ли рад меня видеть? Ту, которая оттолкнула, наплевала на всех. Даже на близкого и незаменимого друга. Надеюсь, что будет. Очень надеюсь.

Я нерешительно потопталась на месте, а потом всё же медленно побрела к жилищу, которое Мирт заботливо обнёс невысоким частоколом от не прошенных лесных жителей.

«От зайцев. Ты представляешь, у меня – волка морковку воруют! Совсем уже страх потеряли!» возмущался как-то Мирт, недосчитываясь очередного кустика драгоценного корнеплода.

Я улыбнулась, вспоминая обиженное лицо друга.

Тихонечко отворив калитку, я вошла во дворик, по пути лицезрев скромное хозяйство волка-отшельника. На небольших грядочках виднелись прозрачно-зелёные стрелки лука, чуть поодаль на клумбах раскрыли жёлтые клювики запоздалые нарциссы. Представив себе Мирта с кадкой воды в руках, мурлыча себе под нос, поливающего грядки, я вновь улыбнулась.

Дорожки, меж грядочек были добротнo протоптаны, ни одному сорняку также не удалось затесаться в ряды дикой малины и смородины. Сразу видно, хозяин владений трудолюбивый и ответственный. Об этом же говорили наколотые и уложенные ровными рядками чурки вдоль стены полуземлянки и сохнувшее на свежем воздухе выстиранное бельё. Ну, Мирт! Вот, молодец!

Я только-только протянула руку к двери, как она незамедлительно отворилась, и на пороге появился сам хозяин логова.

Долго же ты идёшь. Заблудилась, что ли?

П-привет. А... откуда ты узнал, что я иду? – задала я совершенно глупый вопрос.

Волкодлак хмыкнул и пристально оглядел меня с ног до головы.

По запаху, конечно! Твой аромат я ни с чьим другим не спутаю. А волны гнева, возмущения, тоски, отчаяния, нерешительности, вины и... Мирт потянул носом в мою сторону, наконец радости от предстоящей встречи со мной сообщили о твоём приходе задолго до того, как ты ступила на мою территорию.

Прям таки и волны? – недоверчиво проговорила я.

Что такое?! Ты сомневаешься в моих природных инстинктах?! – притворно обиделся волкодлак. – Морана, вот нисколько ты не изменилась за всё то время, что мы не виделись.

А надо было?

Нет! И не смей!

Я расплылась в довольной улыбке. Как же я его обожаю.

Да иди ты уже ко мне. Я так по тебе соскучился!

Тут волкодлак сгрёб меня в охапку и, оторвав от земли, крепко прижал к себе.

Я тоже безумно соскучилась, только и смогла я просипеть в ответ.

Рад, что ты пришла. Не ожидал, если честно. Сначала тоже подумал, что природные инстинкты меня подводят, когда тебя учуял.

Прости меня, Мирт, прошептала тихо я и уткнулась носом ему в плечо.

Брось. Не стоит. Главное, что ты пришла в себя.

Нет, не пришла...

Зато ко мне пришла! А это главное. А всё остальное... пройдёт. Со временем должно. Ты только не отталкивай больше меня. Друзья на то и друзья, чтобы поддерживать друг друга и быть рядом, когда совсем невмоготу.

Ох, Мирт, всхлипнула я.

Он ещё сильнее прижал меня к себе и просто держал, тихонечко баюкая. Без слов, без упреков. Просто крепко-крепко держал. И это было всё, чего мне сейчас хотелось. И чего я, дура, раньше к нему не пришла? Вечно строю из себя неприступную глыбу льда, боюсь показаться слабой. Даже перед друзьями...

А потом всё и, правда, прошло. Отпустило. Пусть и ненадолго, но рядом с ним мне совершенно не хотелось думать ни о чём плохом. Рядом с Миртом мне всегда чувствовалось легче. Никакой неловкости, никакой тяжести и боли.

Сколько же мы не виделись? Лет сто, наверное? Десяток-другой уж точно пролетел, по-прежнему тиская меня, проговорил волкодлак, но уже другим, спокойным тоном.

Всего-то три месяца. Мирт, отпусти меня, пожалуйста, а то боюсь, ты сейчас меня задушишь, и тогда мы точно уже никогда не свидимся.

Ой, извини, спохватился он и выпустил из крепких дружеских тисков.

Ощутив, наконец, твёрдую землю под ногами и внезапный прилив воздуха, я немного пошатнулась и вцепилась в руку Мирта, приходя в себя.

Ты, кстати, вовремя. Я как раз заканчивал готовить лёгкий завтрак. Точнее пытался.

Пытался? я принялась к витающим в воздухе запахам гари. Мирт, чем это пахнет?

Блинами... точнее тем, что от них осталось. И кашей, смущённо кашлянул волкодлак. С готовкой у меня так себе, ты же знаешь...

Я выглянула из-за плеча друга. На открытом огне печи-каменки возмущённо пыхтел огромный котелок снеди, и тут я поняла, что не прочь этот «лёгкий» завтрак умять наравне с кашеваром, пусть даже и пригоревший. При этом моё чрево одобрительно поддакнуло мыслям, совсем уж неподобающе богине, громко заурчав.

Я так полагаю, ты согласишься составить мне компанию.

А то.

Тогда пойдём трапезничать, подруга.

Умяли мы Миртово варево практически в мгновение ока. Волкодлак только диву давался, глядя на то, как злобная богиня смерти ловко орудует ложкой, да хмыкал себе в бороду.

В бороду?! Я чуть не поперхнулась, только сейчас осознав, что на друге ошетинилось сие мужское украшение. Вот тебе и подруга называется, сама внимательность.

Мирт?

М-м-м?

А чего это ты вдруг бороду отпустил?

Я отодвинула от себя чашку и погладила рукой сытый живот.

Да вот, решил чего-то, уклончиво ответил он. – Красоваться в лесу не перед кем, сама знаешь. Выходит, уже третий месяц как не бреюсь, многозначительно глянул на меня Мирт, сверкнув тёмно-синими глазами.

Я неловко замолчала. Мне даже стыдно стало, ведь я-то всё время о себе разнесчастной думала, о Мирте почти не вспоминала. Ужасно! А он переживал, вон даже зарос весь.

Ну да ладно. Неважно всё это. Ты как? Как тебе снова с семьёй живётся? – небрежно потряхнул кудрями Мирт, будто отгоняя от себя ненужные мысли.

Я скривилась.

Ясно, хохотнул он, неужели всё так плохо?

Отвратно! Да ты и сам прекрасно знаешь, с кем мне приходится жить. Хорошо Лелька сейчас практически дома не бывает. Последняя неделя весны – самая тяжёлая. Близится излом месяца, подводит труды свои, готовится к летней поре, да всякое разное по мелочам. В общем, от её порывистой натуры я к счастью избавлена. Но Авсения и Лучезар! О, небеса. Это вечные склоки, хитросплетения и косые взгляды. Не проходит и дня без криков и ругани, без язвительных усмешек и подковырок. Если бы не Макошь, мы бы давным-давно поубивали друг дружку, пожаловалась я на горькую судьбинушку благодарному слушателю.

Хотя нет, это я погорячилась с предположениями, ибо Мирт совсем даже не сочувственно ответил:

Но и ты Морана не подарок, я скажу. Клянусь своим хвостом, а ты знаешь, как он мне дорог, половину вывертов и бесчинств зачинаешь именно ты.

Я обиженно насупилась.

Неправда. Мне это совершенно ни к чему! Я натура великодушная, тонко чувствующая. Я выше всего этого. Сажу себе спокойненько в Северном крыле, читаю стихосложения и пишу картины морозные. Наслаждаюсь одиночеством и красотой безукоризненного мира, воссозданного мной. Зачем мне склоки?

Мирт многозначительно приподнял левую бровь.

Ну, ладно. Иногда бывает, что я позволяю себе ответить на колкость взаимной колкостью. Но это всё!

Бровь поползла выше.

Мирт, ты мне не веришь?!

Волкодлак хитро прищурился.

Ладно, сдаюсь. Так и быть скажу, что временами провожу разведку боем в стан врага.

Я так и знал!

Я фыркнула и скрестила руки на груди.

Нет, а что ты собственно от меня ждал? Что домашняя обстановка меня изменит и я стану добронравной и отзывчивой?

Морана, ты не дала мне договорить. Я хотел сказать, что знал, какая ты на самом деле. Ибо окажись ты вдруг добронравной и отзывчивой, я бы тут же выгнал тебя вон и прекратил всяческие с тобой отношения.

Ох, Мирт, ты настоящий друг! Но кашевар из тебя отвратительный.

Обычно мне не приходится готовить, ты же знаешь.

Это верно, как правило, кормят и обстирывают тебя. И чего же ты тут окопался?

Тебя ждал. Раз ты к себе никого не подпускала, я решил, что придёт время – сама явишься. Видишь, дождался.

Теперь-то сбреешь бороду?

Посмотрим, хитро подмигнул волкодлак.

Кстати, ты знаешь, что в Бору объявился новый леший?

Нет. А ты откуда знаешь?

Познакомились.

И каков?

Сам увидишь, неопределённо ответила я.

Ну, Мора-а-на, расскажи. Мы так давно не сплетничали! заканючил Мирт.

Однако перемыть косточки новому лешему мы не успели. Явился Варс и сообщил, что Макошь очень желает меня видеть, а заставлять ждать саму Мать не стоит. Особенно теперь, учитывая все обстоятельства, связанные с моей скромной личностью. Поэтому я быстренько откланялась, обещала заглядывать на огонёк чаще и вести себя хорошо. В свою очередь Мирт заверил по моему требовательному настоянию, что обязательно сбреет бороду и к следующему моему посещению подготовится основательнее. То есть наготовит впрок и постарается при этом ничего не сжечь. Затем мы сердечно распрощались.

А явившись в родимое гнёздышко, оказалось, что Макошь отбыла по ведомому только ей срочному делу в Сковскую Землю и будет не ранее третьего дня.

Границе моего отчаяния не было предела. Три дня наедине с взбалмошными сестрицами и занудой-братом – очень жестокое наказание. Да и рискованное чересчур дело. Тут же от родового имения камня на камне не останется! Точнее щепки на щепке.

Хотя с чего бы такой настрой? Неужто в огромном доме мы не сможем тихо-мирно разбрестись по укромным уголкам? К слову, надо бы описать то место, где суждено мне бедной разнесчастной коротать свой длинный век.

Терем наш родовой также находится в Заповедном Бору, но намного западнее тех мест, что я себе облюбовала. Стоит себе под сенью вековых дубов и могучих сосен, там, где из маленького ручейка-змейки берёт свое начало величавая Смородина. Там, где все времена

года уживаются намного легче, нежели их олицетворения и наряду с благоухающей сиренью вольготно рдеет алым пламенем горькая рябина, а среди искрящихся серебром снегов смело распускаются васильки. Где в воздухе беззаботно кружат осенние былинки и порхают первые весенние бабочки.

«Ирий¹ благодатный!» благоговейно ахнет восхищённый смертный, впервые попав сюда.

«Да гореть мне в Пекельном² Царстве, чем ещё раз оказаться здесь!» возмущённо возопит тот же восторженный смертный, прожив среди моей сбрендившей родни каких-нибудь пару-тройку дней.

Ну, так вот. Стоит, значит себе это чудо зодческой мысли посреди райского сада, в котором ютятся мои благородные сестрицы и непутёвый брат. Хотя «ютятся» они на широкую ногу, да в просторных хоромаш, надо сказать. Терем поделён на четыре части, по числу его обитателей. Каждому выделено отдельное крыло по сторонам света.

В восточном крыле обитает Леля. В западном властвует Авсения. Самая тёплая, южная часть дома принадлежит неженке-Лучезару. Ну, а собственно я мёрзну в Северном крыле. Каждая часть дома построена, учитывая особые предпочтения их хозяев. В общем, со стороны всё это выглядит как странное, вычурно-придурковатое строение.

К примеру, моё крыло выложено из массивных гладких валунов, отливающих тусклым серебристо-синим свечением. Окна художественно выложены разноцветной слюдой, пол покрыт белоснежными шкурами диких животных. На стенах, затянутых тонкой материей, расписные картины и узоры собственного производства, да свечи в высоких светцах.

Живу я не на первом ярусе, а ведёт в моё жилище узкая винтовая лестница. Поэтому северная часть терема походит на башню, как и положено нелюдимою злой ведьме.

Все почему-то уверены, что у меня во владениях мрачно, сыро, пыльно, кругом всякие пыточные устройства в потёках кровавых разбросаны, а над очагом висит здоровенный ржавый котёл с тёмной бурлящей жижей.

С одной стороны очень даже удобно. Никто лишний раз нос не сунет в моё обиталище. Лелька, так и вообще за версту обходит ледяные хоромы. Зато от Авсении буквально прохода нет. Частенько любит она заглянуть и пакость какую-нибудь устроить или сказать. Но тут уже ничего не поделаешь. Приходится терпеть.

А вообще у меня очень даже уютненько, по-домашнему. Тепло, светло, камин жаркий весело огнем фыркает, за окном убаюкивающе поёт вьюга зимними ночами, а летом птахи щебечут под самой кровлей. Да и Варсу в башне жить удобнее, ближе к небу, как он сам выражается. Так и живём.

Братец мой, Лучезар, во флигеле обитает. Приземистый, обвитый плющом и розами благоухающий, тёплый, светлый уголок. И всё бы ничего, если бы только не переусердствовал он в стремлении облагородить жилище всевозможными живыми цветами, душистыми травами и аляповато-яркими предметами домашнего обихода, источающими невозможно приторно-сладкие ароматы. Мимо флигеля невозможно пройти, не пропахнув при этом насквозь благовониями. Лично у меня уже аллергия развилась на его любимые притирания «Загадка Востока» или «Чарующий гиацинт». Чихаю как ненормальная, почувствовав в воздухе эти жуткие сочетания.

Крыло Авсении обставлено более утончённо и со вкусом (я тоже люблю к ней заглянуть и устроить какую-нибудь гадость). Но и там, в основном, преобладает вычурность и выпендрёжничество. То бишь золото и парча.

В Лелькиных владениях мне посчастливилось побывать всего лишь однажды. Не так уж и тесно мы общаемся с младшенькой сестрицей. Вся моя пламенная любовь и запас нервов

¹ Ирий – рай у славян.

² Пекельное царство – мир мёртвых, где правят тёмные боги и их приспешники, попросту – ад.

уходит на Сеньку. Но у Лели мне понравилось. Скромненько, чисто, светло. Ничего лишнего. Свежий воздух весеннего утра, первые расписные цветы по берёзовым стенам, да мягкие ковры цвета молодой зелени радуют глаз. Что тут скажешь – весна, одним словом.

Но помимо нас четверых, в доме живёт и Макошь, хотя «живёт» сильно сказано. Она может находиться где угодно и когда угодно. На самом деле, мы четверо, редко имеем честь видеть её воочию, но незримое присутствие Матери ощущается в доме всегда. Её владения расположены как раз на северо-западе, на пересечении самой взрывоопасной зоны, аккуратно между нами с Авсенией. Она как гасящая сила, как невидимая стена, как примиряющая сторона. Всегда начеку, всегда на страже интересов Матери-Земли, пытающаяся образумить своих детей и примирить зиму с осенью, испокон веков враждующих меж собой. Почему-то именно с Авсенией мы никогда не могли найти общего языка, хотя и с Лелей и с Лучезаром у меня временами возникали размолвки, но в спорах с ними я, как мудрая старшая сестра, всегда отступаю. Ибо дыхание жизни сильнее тяжёлого смрада смерти, а тёплые ладони Макоши, ласково накрывая мои ледяные пальцы, заставляют ослабить холодные оковы зимы.

И я подчиняюсь.

К тому же, своё я всё равно возьму. Ведь я умею ждать.

Но сейчас Матери нет, и что может случиться в её отсутствие даже страшно представить.

Я тихонечко прошла мимо Лучезаровых владений, привычно чихнув пару раз. И направилась было к себе, как вдруг меня окликнули. Точнее это был даже не оклик, а еле слышный шелест голоса. Но в огромной пустынной зале это был грому подобный рёв. Я подпрыгнула от неожиданности, но быстро взяла себя в руки и обернулась.

Передо мной стоял морун – моя правая рука.

Да?

Моя госпожа, он учтиво склонил голову, – Морана, я должен кое-что доложить.

Я удивлённо вскинула брови. Обычно моруны стараются как можно реже попадаться мне на глаза. Работа просто не позволяет, а чтобы беспокоить своими жалобами, и того реже бывает.

Доложить о чём? Или о ком?

Он утвердительно кивнул на последнем моём вопросе.

Моруны подлые, злые и вообще скверные существа. Для них не существует таких понятий как дружба, любовь, доброта и сочувствие. Да и мне они служат не из великой любви и преданности, а просто, потому что боятся. Поэтому я не особо удивилась тому, что мой главный помощник решил на кого-то наябедничать. Не успеешь сам, найдётся другой «доброхот» и не факт, что это сыграет в пользу того, кто упустил возможность быть первым.

Слушаю.

Может не здесь? – тихо осведомился морун, косясь по сторонам.

Я пожала плечами и прошествовала в сторону своих законных владений.

Присев на лавку, устланную медвежьей шкурой, я воззрилась на моруна.

Ну?

Морана, всё дело в твоей сестре. Авсении.

Ну вот, опять.

Я страдальчески возвела очи к сумрачному потолку и приготовилась слушать.

И что же на этот раз?

В общем, ничего нового он мне не сказал. Всё это я и так прекрасно знала. Снова она порочит моё «доброе» имя перед другими божествами. Снова подначивает Лучезара, хотя и не сезон ещё. Лельке что-то наплела вдобавок. Ну не богиня словно, а девка дворовая! Завистли-

вая, злая, мелочная. Ох, как же я устала от неё. Вот и теперь какое-то народное целительство в окрестных деревнях бабкам-шептуньям мимоходом наплела. Как мор среди свинок унять, да уровень хворых среди населения самым приемлемым способом снизить. Короче всё против морунов моих устраивает. Гадина.

«Ну ладно, устрою я тебе», мечтательно размышляла я о богатом разнообразии способов выказывания своей любви к Авсении. Да так далеко завело меня воображение, что я напрочь забыла о присутствии подчинённого.

Морана?

А?

Ну...э...собственно, что прикажешь делать?

Я сосредоточила взгляд на собеседнике, а затем расплылась в нехорошей улыбке.

Что делать? Сейчас скажу, что делать.

И я поведала ему о простом, но выдающемся плане. Я проучу её. Да и повеселюсь вволю, глядя на то, как она выпутываться будет из всего, что ей приготовлю.

Я рассеянно всматривалась в красивые резные фигурки, расставленные на лакированной клетчатой доске. Где сие заморское развлечение откопал Варс до сих пор для меня загадка. Наверное, какого-нибудь купца византийского обчистил. Хотя вряд ли, недостойно же. Да и не сознается. На все мои расспросы хитрая птица только лукаво сверкала глазами и отмалчивалась себе в клюв.

Всё ясно. Скупкой краденного промышляет за моей спиной. Ну, подлец! Нет, чтобы туник каких пёстрых к грядущему лету раздобыть или сапожки какие, а он чего?

Ну что? Сдаёшься? – в очередной раз задал мне вопрос Варсонофий, при этом что-то сосредоточенно изучая у себя в когтистой лапе и делая вид, что ему всё равно, сдаюсь я или нет.

Ещё чего!

Ну-ну.

Я бросила уничтожающий взгляд на советника, а потом вновь перевела взгляд на доску. Моё положение не улучшилось. Даже немного ухудшилось, как мне показалось. Эх, всё же придётся признать поражение, ибо других выходов не наблюдалось.

Я медленно подперла рукой подбородок. Нет, ещё время потяну.

Морана, может, хватит гипнотизировать взглядом свои жалкие боевые резервы? Сдавайся!

Н-да. Наверное, и вправду надо. И только я хотела признать себя проигравшей, как меня спасла от этого унижительного поступка... Авсения. Она влетела в мою обитель, словно пчелой ужаленная и гневно полыхая зеленью очей, воззрилась на меня. Как будто это я пчелой той была, что её ужалить посмела. Хотя, да. Судя по всему, я её действительно укусила.

Что-то хотела, Сенечка? – невинно хлопая глазками, поинтересовалась я.

Ты! Да как ты посмела!

Не понимаю. Что посмела? Ты о чём, сестра моя ненаглядная?

Как ты посмела...

Не понимаю тебя.

Всё ты прекрасно понимаешь, гадюка!

Это я – гадюка?

Ты! Зачем лезешь в мои дела?

Да воздастся каждому по делам его, медленно проговорила я, прищурившись.

Что? Что ты такое мелешь?

Авсения, золотце, а как называется то, что мелешь ты? *Что* ты в миру обо мне городишь? Как называется то, что ты идешь супротив воли моей? Супротив смерти. Супротив равновесия?

Я ничего не делала!

Делала. Ты первая качнула весы, – холодно сказала я.

Авсения сжала губы в тонкую ниточку и что-то обдумывая, смотрела на меня в упор. А потом резко и зло расхохоталась.

Качнула весы? Ох, Моранка, уже давно не в твоей власти заведовать равновесием. Ты стала слаба, наивна, чересчур доверчива, беспомощна. Вспомни Трута, вспомни Буяна. Вспомни, кого тыпустила в своё сердце этой зимой. Вспомни Ставра.

Я отшатнулась как от пощёчины. Это было подло с её стороны. Это было низко, недостойно, неожиданно. И больно. Очень больно.

Пошла вон.

Что? – хмыкнула она.

Вон! Уходи! – я вскочила и отшвырнула от себя шахматную доску вместе с фигурками и подскочила к Авсении. – Да что ты знаешь? Как ты можешь... судить меня? Ты... ты... уходи.

Внутри меня поднималась жгучая волна гнева, обиды и боли. Это несправедливо. Она осуждает? Смеётся? Хочет задеть? Почему? Из глупой сестринской ревности? Или своих корыстных и самолюбивых побуждений задетой тщеславной души?

А может просто из ненависти? Слепой, всепоглощающей ненависти? Но почему? Почему?

Я подскочила к сестрице, еле держа себя в руках. А потом случилось нечто непредвиденное. Я вдруг почувствовала внутри опустошение. Холод накатил так резко и неожиданно, что я даже удивилась. К чему все эти ссоры? К чему ненужные склоки и выяснения отношений. Я же выше этого. Ведь я богиня, в конце концов! Гордая, холодная, неприступная. Такой и должна быть. Снисходительно и свысока принимать дань уважения, презрительно – все попытки мне насолить и задеть.

Нет, отныне я больше не опущусь до глупой человеческой грызни. Не пойду на поводу чувств. Ей хочется меня разозлить? Задеть? Не выйдет. Уже не выйдет. Отныне ни Авсения, ни кто-то ещё не увидит на моём лице и следа истинных переживаний. Как бы не задевали, как бы не пытались сделать больно – в ответ им только бесстрастная маска. Только спокойный немного пренебрежительный взгляд, даже если сердце при этом готово разбиться на тысячи осколков. Но этого никто и никогда не увидит. В последнее время я слишком часто позволяла себе открыться кому-либо, и поддаться воле чувств.

Больше этого не будет. Никогда.

Я спокойно и высокомерно взглянула на Авсению и ровным голосом произнесла:

Прошу тебя, уйди, Авсения. Нам больше не о чем говорить.

Сестра удивлённо вскинула брови. Она-то ожидала бури, шквала обвинений, потока желчи и нецензурной брани, а может даже думала, что я с визгом и дико горящими глазами ринусь волосы ей драть и царапаться. А тут такое огорчение. Она даже рот приоткрыла от неожиданности, постояла так еще пару мгновений, да и вышла, так ничего и не ответив.

Как только закрылась за Авсенией тяжёлая дубовая дверь, как я тут же сникла, и устало прикрыв глаза, опустилась на покрытый медвежьей шкурой сундук, первое, что подвернулось мне на пути. Или я просто рухнула бы на пол. Из меня будто разом все силы забрали.

Морана...

Нет, Варс. Не сейчас.

Но...

Прошу, оставь меня одну.

Повторять дважды мне не пришлось. Я услышала лёгкий шелест могучих крыльев, а потом всё помещение затопила тишина и моя боль.

Не знаю, сколько времени продолжалась моё уныние. Я не считала. Просто спустя какое-то время передо мной предстал один из множества домашних служек – мелких нечистиков, что помогают нашему домовому следить за огромным жилищем и содержать его в чистоте и уюте.

Я лениво возлежала на перинах просторного ложа, добровольно предавшись мученическим раздумьям о горькой судьбинушке, когда над моим ухом раздалось едва различимое покашливание и неловкое переминание с ноги на ногу. Картина сия была до боли знакомой. Вот точно также семь месяцев назад надо мной, покашливая, стоял Трут, нескладно пытаясь донести до моей своенравной особы, что пора бы и вставать.

От этих воспоминаний сжалось сердце, а к горлу подкатил горький комок, но я постаралась отмести от себя и без того невесёлые мысли.

Чего тебе, холодно проговорила я, не открывая глаз.

Г-госпожа, тебя желает видеть Макошь.

От неожиданности я резко села и удивлённо воззрилась на лохматое чумазое существо. Макошь?

Д-да.

Неужто, три дня миновало, как я возлежу тут?

Глаза нечистика округлились, и он ещё более испуганно выпучился на меня. Ах, ну да, нашла, что спросить у низшего создания. Откуда ж ему знать, о чём я толкую. Его прислали только передать просьбу. Или это была не просьба о встрече, а вызов? Я недовольно сморщила нос. Чего же она хочет? Просто так к себе она бы не стала вызывать. Мило поболтать за домашними пряниками, обсуждая последние известия правящей верхушки, новых любовниц, заговоры, очередной делёж власти и прочее? Нет. Это не про Макошь. Что же тогда случилось? Ужель, я опять что-то успела натворить? Да вроде бы нет. Сижу себе тихо и мирно в своём склепе, предаюсь унынию, никого не трогаю.... Не нравится мне всё это. Ох, не нравится.

Когда же она желает меня видеть?

Сейчас, пискнуло существо.

Н-да. Теперь подавно не нравится.

Хорошо. Уже иду.

Нечистик кивнул и растворился в воздухе, а я медлила, задумчиво покусывая нижнюю губу. Идти совсем не хотелось. Но кто спрашивал моего желания? Правильно, никто. Ох, какое же нехорошее предчувствие у меня. Может по-тихому улизнуть? Нет, плохая затея. Сейчас не влетит, потом ещё больше может достаться. В голове предстала последняя встреча с Макошью. Как раз после того как... после того, как я убила Ставра. Снова. Нет, она не испепелила меня взглядом, не лишила дара и положения, даже не укоряла (по началу), и не обвиняла (почти). Точнее обвиняла, в том, что я не рассказала, что происходит в Заповедном Бору. Ведь я должна была рассказать. Обязана была. Но не сделала этого. И в итоге, вся тяжесть долга и вина за случившееся легла на меня. Только на меня. Вина и в придачу молчаливый укор мягких карих глаз матери. Я не оправдала её доверия, пошла до конца в одиночку, ни о чём не сказав. Подвергла лес опасности, и не только лес! Чуть не лишилась Жезла Времён Года. Ох, гадкая Морана!

И вот теперь мне снова предстоит выдержать нелёгкое испытание. Снова я буду чувствовать себя глупой нашкодившей девчонкой, представ перед ясными очами справедливой и великой богини.

Эх, не везёт, так не везёт...

Я нервно провела по длинным спутанным волосам, поправила поизмявшийся подол и встала. Перед смертью не надышишься, как говорится. Я хмыкнула, поняв всю нелепость происходящего. Перед смертью? Да ведь я сама смерть. Какие глупости, стою, трясусь тут. Я решительно прошагала к двери и вышла вон.

Спустившись в главную залу (а мне пришлось это сделать, чтобы прийти к месту моего возможного заклания), я наткнулась на Лучезара, возлежавшего на атласных пуфах и лениво ковыряющего в зубах тоненьким прутиком. Достойное времяпрепровождение для того, кому на днях на службу заступать, ничего не скажешь. Я брезгливо поморщилась, и собралась было прошествовать мимо, но не тут то было.

А, Морана! Куда спешишь?

На встречу с вурдалаками опаздываю. Как бы без меня жертву испивать не начали, сладко улыбаясь, проговорила я.

Да ну? А разве они посередь дня пиршествуют? Им же сейчас почивать положено. Как и тебе.

Моя улыбка стала ещё слаще.

А сегодня случай особый. Точнее жертва. Божественных кровей. Высокая, стройная, светловолосая. Мужественная. С виду, правда, сказала я, склонив голову набок и будто бы изучая своего собеседника с особым пристрастием. – Но это ничего. Даже к лучшему. Знаешь, я как лесной уборщик, забираю только слабых и больных. Ещё, правда, ленивых, лживых, лицемерных, эгоистичных, никчёмных подхалимов. Хм, по-моему, ты попадаешь под все пункты просто идеально. Ну как? Не желаешь пройтись со мной до ближайшей опушки? Я и мои вурдалаки будем искренне тебе рады.

Лучезар нервно сглотнул. А я довольно улыбнулась. Это да. Меня лучше не трогать лишний раз.

Ха-ха. Очень смешно, Морана.

Смешно? Я говорила вполне серьёзно.

Ага, как же. Иди уже куда шла. Слышал, тебя Макошь к себе призвала. Вот и ступай туда. А мы потом посмотрим, кому же на самом деле кровь пустят. Сдаётся мне, что жертвой то в этот раз тебе быть предстоит. Хотя почему жертвой? Видимо заслужила. Тебе, наверное, нравится получать по первое число от самой Великой Матери. Допрыгаешься, Морана, лишит она тебя привилегий, и вот тогда-то я с удовольствием попляшу над твоей домовиной. Ибо кто ты будешь? Простая смертная девка или того хуже. Пыль под ногтями, ничто, прах! – торжественно выпалил Лучезар и даже позабыл, что пока что говорит вовсе не с пылью, а с одной из сильнейших богинь. Да пусть даже и лишит Макошь меня права называться богиней, моё достоинство и силу духа никто отнять и попать не сможет.

Поживём-увидим, Лучезар. Поживём-увидим.

Я опасно сверкнула синими очами и гордо удалилась.

Глава 2

Случается, что и зима с осенью заодно.

Я знала, где будет ждать меня Макошь. Уже успела познакомиться с этим местом ещё в прошлый раз. Как одна из главных богов славянского мира, Макошь редко снисходила до личных разбирательств с нашкодившими «детьми». Обычно этим занимались специальные уполномоченные для этого существа – вершители справедливого суда, что-то вроде прядильщиц судеб у людей. Но иногда бывало, что Макошь сама принимала решения о мере наказания провинившегося. Вот лично мне повезло общаться с ней и, несмотря на то, что отделалась я в тот раз лёгким испугом, во второй раз предстать пред справедливые очи богини мне всё же

не очень хотелось. К тому же, причина, по которой хотела видеть меня Макошь, до сих пор мне была не известна. А неизвестность во все времена меня жутко нервировала. Вот и сейчас, во рту пересохло, ладошки вспотели, сердце ухало где-то в горле. Ну, прям дитя малое нашкодившее.

Я неуверенно ступила под сень дурманящей черёмухи и огляделась. Богини здесь не было. Хм, странно. Я хмуро всматривалась в окружающие меня окрестности, выискивая высокую статную фигуру. Прошла чуть дальше, ступая по мягкому шелковисто-изумрудному ковру и глядя по сторонам. И тут на меня пахнуло тёплым солнечным дыханием пшеницы, что неспешно вызревает на просторах великой славянской земли. Вот только рановато ещё для этого.

Я медленно прошла сквозь весеннюю полосу леса, оставив позади тягучий аромат снежно-белой черёмухи и щебет первых весенних птиц, и вступила во владения Макоши. От неожиданности и удивления я раскрыла рот и широко распахнула глаза. Всё же слишком самоуверенно я полагала, что знаю, где будет проходить наша с Макошью встреча. Ибо такого я не ожидала.

А стояла я на самой кромке бескрайнего пшеничного моря. Тяжёлые золотые колосья, словно ленивая и мягкая кошка, нежились и прогибались под невидимой ласковой рукой тёплого летнего ветра. Поле, будто гигантское живое существо, шумно дышало, то поднимая, то вновь опуская пшеничные бока. С каждым новым дуновением ветерка по всей поверхности пробегали лёгкие волны, и казалось, что вот-вот от всего этого движения закружится голова и огромное золотистое море утянет в свои глубины.

Я закрыла очи и прислушалась к шёпоту природы, самым краем сознания понимая, как невольно начинаю расслабляться, и вся моя нервозность и тревога куда-то уплывают. Ветер легко касался жаркими губами моих щёк и ресниц, солнце ласково окутывало ароматным зноем лета, а пшеничные колосья нащёптывали тихую древнюю песню, лениво покачиваясь в такт невидимым рукам ветра. Мне казалось, я готова простоять вот так годы напролёт, предавшись забвению и покою этого сказочного места. Раствориться, стать частью ветра и летать вместе с ним рука в руке меж вызревающих медовых колосьев. Или растаять без следа в ласковых объятиях летнего солнца, а затем впитаться живительной влагой в тёплую парную землю и стать ею. Питать корни трав, заботиться и давать жизнь, просыпаться ото льда и снега весной и засыпать спокойным умиротворённым сном осенью. Быть везде и всем, и не быть нигде. Раствориться, исчезнуть, испариться и больше не быть собой. Никогда.

Я невольно улыбнулась, по-прежнему не раскрывая глаз и чувствуя на веках тепло закатного солнца.

Закатного? Позвольте-ка...

Морана...

Я вздрогнула и раскрыла очи. Да, действительно небо успело окраситься в нежные тона наступающего вечера, и закат расправил плащ цвета румяного яблока. Я слегка нахмурилась, не веря своим глазам. Но как? Неужто я и в правду простояла здесь до самого заката солнца?

Морана...

До меня вновь долетел шелест пшеницы и я оглянулась, так никого и не обнаружив на поле. Но стоило мне взглянуть в сторону заходящего светила, как увидела её. Мать. Богиню Земли и Мудрости. Великую Макошь, дарующую жизнь всему сущему. Открытую и любящую. Временами суровую, но всегда справедливую. Способную утешить в горе, но и покарать. Способную даровать милость или обрушить на голову несчастного самый страшный гнев небес и земли. Способную на прощение и самую жуткую месть. Она может любить также сильно, как мать любит своё дитя – безоглядно, всепоглощающе, а может быть равнодушна и бесчувственна и никакие мольбы не растопят её сердца. Она воздаст каждому по делам его. Все равны в её глазах. Она – суть этого мира, его судьба. Она – прародительница. Без неё не будет никого

и ничего. Она даёт также легко, как может взять назад. Она – не добро и не зло. Она – это она. Макошь.

Всего лишь мгновение я изумлённо глядела на Великую, но спохватившись, тут же опустилась на колени, почтительно склонив голову.

Встань, дитя, мягко проговорила Макошь и даже если бы я хотела, то не смогла бы послушаться.

Только не её. Очень пожалеет тот, кто осмелится перечить ей. Но я и не думала прекословить ни при каких обстоятельствах. Даже если бы она сказала, что отныне я больше не являюсь богиней, я бы с радостью сложила с себя все полномочия. Ведь всё, что я искала на этой земле – покой. А работка у меня та ещё. Ни передыху тебе, ни вольной поры, ни платы за хворь — всё на долю мою легло.

Я поднялась с колен и взглянула на богиню. Высокая, стройная, величественная. В простой льняной рубаше цвета палой листвы с красной каймой понизу и рукавам, она запросто могла затмить красотой любую из смертных цариц в их вычурных нарядах и украшениях. Длинные до пояса чуть выющиеся волосы немного темнее спелой пшеницы играючи перебирает невидимой рукой вездесущий Догода³. Прямой спокойный взгляд светло-карих глаз в обрамлении пушистых чёрных ресниц как будто и не предвещает ничего плохого. На чуть округлых ланитах свежий румянец, а на чувственных полных губах мелькает едва уловимая улыбка. Мой взгляд упал на небольшую круглую родинку, которая мушкой примостилась под нижней губой. Наверное, мужчины просто с ума сходят, глядя на эту совершенную красоту.

Грудь богини медленно поднималась и опускалась в такт ее ровного спокойного дыхания. Только порой ноздри прямого аккуратного носа едва заметно подрагивали, впитывая вечерние ароматы остывающей земли.

Приветствую тебя, Макошь, уважительно произнесла я, стараясь сильно не пялиться и не завидовать так уж откровенно чужой красоте.

Здравствуй, Морана, поприветствовала в ответ она, слегка кивнув головой.

При этом круглые височные кольца её венца тихо, но мелодично зазвенели.

Я молчала, уступая право начать речь старшей богине, спокойно, с достоинством выдерживая её взгляд, а в груди бешено колотилось сердце. Даже сейчас по довольно таки мирному взгляду Макоши я не могла определить, что обрушит она на мою буйную головушку – кару божественную или благо небес.

И будто бы угадав или прочитав недоумение и немой вопрос у меня на челе, Макошь чуть заметно улыбнулась и проговорила:

Видимо, тебя очень удивила моя просьба о встрече.

Просьба? Я едва не вздохнула от облегчения, тем самым чуть не выдав своё волнение. Если это была просьба, то можно надеяться, что предметом обсуждения является не моя скромная личность. Хотя, зная Макошь, утверждать наверняка всё же не приходится.

Немного, осторожно ответила я.

Я слышала о вашей с Авсенией очередной стычке.

Ну вот, всё же зря понадеялась избежать новой головомойки.

Макошь, я...

Богиня нетерпеливо взмахнула рукой, демонстрируя тем самым, что моё бление в оправдание ей совсем не интересно.

Я совсем скисла.

Я позвала тебя не для того, чтобы выяснять, кто на этот раз виноват больше. Ибо виноваты всегда обе стороны. Не скрою, что к этому вопросу мы всё же вернёмся, но чуть позже. Собственно, именно ваш с Авсенией раздор и подтолкнул меня на одну очень хорошую мысль.

³ Догода – бог тихого, приятного ветра и ясной погоды.

И сейчас, когда твоя сестра подойдёт, мы её и обсудим. А пока, Морана, расскажи мне, как ты себя чувствуешь. Я вижу, что с тех пор, как ты вернулась в родной дом, ты ещё больше отделилась от семьи. Я понимаю, что тебя мучает, мы уже говорили однажды об этом. Морана, милая, как бы сильно ты не винила себя в случившемся, уже ничего нельзя исправить. Их не вернёшь...

Знаю, тихо проговорила я, стараясь не смотреть в глаза матери. – Но это вовсе не значит, что я спокойно могу идти по жизни дальше и забыть, или сделать вид, что забыла, ибо я не могу. И не хочу.... Порой я завидую смертным. Тому, что их век так короток.... Вечность – это невыносимо.

Понимаю, Морана. Ох, бедное моё дитя... Ты всегда казалась мне самой необычной из бессмертных. В тебе удивительным образом сочетаются человеческие чувства с бесстрастностью и тщеславием богов. В своей душе ты прячешь самое невероятное сердце, силу которого мне ещё не доводилось встречать ни у одного бессмертного. Богиня смерти, которая так предано и искренне оплакивает уход из жизни своих подчинённых. Даже не друзей...

Ты могла бы вернуть их к жизни. Это в твоей власти!

Макошь медленно покачала головой, и в воздухе снова раздался перезвон её колец.

Мы уже обсуждали это, Морана. Я не стану этого делать. Таков ход событий, я не могу вмешиваться.

А Велес?

Нет.

Я не прошу вернуть... Искра. Верните Трута, Буяна...

Нет, Морана. Смирись, твёрдо произнесла Макошь и я поняла, что это означало конец всяческим разбирательствам.

Я ничего не ответила, переведя взгляд на колышущееся море пшеницы. Это бесполезный и безнадежный разговор. И чего я ждала?

Кстати, как тебе наш новый леший? Я знаю, что вы уже познакомились.

Я неопределённо пожала плечами, всё ещё находясь под неприятным впечатлением от столь категоричного ответа высшей богини.

Ты же знаешь, что я спрашиваю не из праздного любопытства. Но не скрою, что доля интереса при этом всё же присутствует.

Я непонимающе уставилась на Макошь. Но она лишь лукаво улыбнулась, видимо совершенно забыв о только что произошедшем между нами разногласии.

А, вот и Авсения, тут же проговорила она и довольно кивнула каким-то своим мыслям. – Что ж, все в сборе. Думаю, пора переходить к более насущным проблемам.

Я обернулась и увидела Осеннюю Богиню. Как всегда прекрасна, высокомерна и горделива. Меня даже взглядом не удостоила. Что совсем не удивительно в свете нашей последней беседы. Хотя по праву обиженной стороны, в данном случае задирать нос и презрительно игнорировать собеседницу должна была я. Но у Авсении видимо иные взгляды на произошедшее. Даже я веду себя проще. Мудрее, что ли, взрослее.... Ну да ладно, каждому своё.

Не успела я и глазом моргнуть, как мы уже стояли в совершенно ином месте – в небольшой резной беседке, расположенной посередине кристально чистого пруда. По водной глади безмятежно скользила пара красивых белоснежных лебедей. По берегам тихо раскачивался рогоз, убаюкивая округу сухим шелестом, где-то слышались мелодичные переливы невидимых птиц, скрытых густой тёмно-зелёной листвой древнего леса. По небу лениво ползли пухлые подушки облаков, а в просветах меж ними проглядывала высокая ясная лазурь.

Да, умеет Макошь подготовить соответствующие условия для плодотворных переговоров. В такой обстановке совершенно не хотелось ни с кем ругаться, спорить и выяснять отношения. Я бы вот точно сейчас только согласно кивала и поддакивала хоть кому, даже Сеньке.

Лишь бы мне дали спокойно насладиться благодатью этого красивого места и каким-нибудь прохладительным напитком.

Хм, Морана, Авсения, вдруг услышала я мягкий голос богини и восторгалась, приходя в чувства.

Макошь указала нам на высокие, обитые лиловым бархатом кресла, расположенные по углам беседки и развёрнутые таким образом, что собеседники, усаживаясь в них, оказывались лицом друг к другу.

Я опустилась в одно из них. Авсения последовала моему примеру, и молча поглядела на Макошь. К слову сказать, до сего момента Осенняя Богиня не проронила ни звука, если не считать приветствия Высшей Богини. А это было очень странно, к тому же она по-прежнему даже не смотрела в мою сторону. Видать даже обиделась и корчит из себя важную птицу. Вот только мне, если честно всё равно, что там у неё на уме. Даже лучше, что она отмалчивается. Меньше ненужного жужжания под ухом.

Макошь тем временем также опустилась в кресло и, сцепив тонкие ухоженные пальцы в замок, задумчиво смотрела куда-то сквозь деревянный пол беседки. По глубокой морщинке, прорезавшей её лоб, я поняла, что разговор предстоит долгий, трудный, тяжёлый для всех троих. Ибо Макошь, всегда знавшая с чего начать наказания и как высказать всё, что она хотела, сейчас подозрительно молчала. И это меня очень насторожило. Я с тревогой смотрела ей в лицо, только сейчас разглядев то, что не увидела с самого начала. Насколько сильно она выглядела утомлённой, несмотря на всё внешнее спокойствие и умиротворённость. Неизвестно когда успевший подкрасться сумрак прохладного весеннего вечера тёмными кругами лёг на светлое чело Великой Матери. Под глазами пролегли густые тени, в углах рта затаилась твёрдая решимость вперемежку с неизбежностью чего-то такого, что так страшило её.

Я взглянула на Авсению, которая с беспокойством следила за внезапными переменами, происходившими буквально на наших глазах. О, боги, да что же стряслось?

Макошь, будто услышав мой немой вопрос, расцепила руки и, словно смахивая с себя пелену тяжёлых дум, легко провела пальцами по вновь гладкому лбу.

Не буду более вас томить. Неладное творится нынче в мире богов и людей. Не знаю, насколько вы осведомлены о тех событиях, о которых я хочу вам поведать, но знайте, что всё очень и очень серьёзно. Настолько, что грозит неизбежностью нам всем.

Что грозит? Кому – нам? О чём ты, Макошь? – недоумённо спросила её Авсения, тем самым развеяв мои, затаившиеся надежды, о её внезапном онемении языка, или страшном проклятии, настигшем её в расцвете лет и лишившем дара речи. Желательно навсегда. Но нет, всё в порядке. Как жаль...

Нам – это всем богам славянского мира. Ходят слухи о новой вере, что идёт к нам со стороны чужеземных стран. Византийские священники приносят её в народ, обращая славян в христианскую религию. Среди свиты знатных князей всё чаще можно встретить христиан, кто пред ратным боем отдаёт дань уважения не Перуну, а простому крестику, что они стали носить под рубашками. С каждым днём язычество сталкивается с новыми обрядами, с противоборством старым порядкам. Идёт раскол веры.... И самое страшное, что язычество с каждым днём подвергают сомнениям, отвергают его как заблуждение, в котором многие годы пребывал русский народ. Язычество вдруг стало грехом, ересью, а древние боги самозванцами, ведь бог один. И славянским идолам не место в его пантеоне. Он один для всех. Един. Его сын умер на кресте за людей, дав им надежду во спасение своих душ, дав им надежду и веру в то, что их души бессмертны, лишь только нужно уверовать в его воскресение, и он приведёт их заблудшие души к Вратам Небесным.

Это нелепость! Что же это за бог, который хочет властвовать безраздельно в мире людей! – возмущённо подала голос Сенька.

Не он хочет власти, а его священники. Они кричат, что на свете только один бог. Всё остальное это мерзкое богохульство, идолопоклонничество, которое необходимо искоренить из умов славян. Священники хотят повернуть русских людей лицом к истинной вере. А если не получится добиться этого добровольно, то выжечь огнём. И выжечь дотла! Направив этим всех инакомыслящих на путь истинной веры.

А чем же это грозит нам? Что будет с нами? – я вдруг почувствовала, как у меня похолодели ладони.

Богиня перевела взгляд на меня и тихо произнесла:

Не будет религии – не станет и нас.

Что? Но как это возможно? Мы бессмертны!

Макошь вновь взглянула на Авсению, чьи щёки вдруг запылали алым румянцем негодования.

Мы существуем, пока нужны людям. Пока они верят в нас, в нашу силу, в нашу справедливость, в нашу помощь. Но стоит им отвернуться от тех, кого они сами наделили силами, стоит им разувериться в нашем могуществе, как мы тут же потеряем сначала эту силу, а потом и вовсе перестанем существовать. Растворимся, рассыпимся в прах, канем в небытие. Вот что ждёт нас в будущем.

Да быть того не может! Это неправда! – Авсения вскочила с кресла и нервно прошлась взад-вперёд по тесной беседке.

Это правда, Авсения.

Нет! Как это может быть, если я сама – сила. Только ведь я решаю, каков будет урожай и будет ли он вообще. Только по моей прихоти в грядущем году рожь может сгнить под холодными дождями. Только я могу решить, насколько хорошо вызреет овёс или не вызреет вовсе. Ведь именно по моей воле по осени в лесах созревают дикие яблоки, болотные ягоды и сочные грибы. Только по моей прихоти люди могут остаться без урожая злой зимой. И только по прихоти Мораны эта самая зима будет лютой как никогда!

Впервые за всё время нашей встречи Авсения произнесла моё имя, более того, развернувшись в мою сторону, будто ища поддержки, посмотрела мне в глаза.

Да вместе с Мораной мы уничтожим род людской, если захотим. О какой нужде в *них* ты говоришь, Макошь! О каком влиянии людей на нашу силу? Чепуха!

Осенняя Богиня скрестила руки на груди и, прошествовав к своему креслу, села в него, явно до конца не успокоившаяся.

Я лишь удивлённо хлопала глазами. Не ожидала я такого поворота. Мне показалось, или Сенька действительно сказала «мы»? И это её «мы» подразумевало под собой меня и её? То есть она имела в виду наш с ней совместный союз? Союз против...людей? В своём стремлении чего-то добиться или доказать, а может из вредности, она даже готова перешагнуть через гордость и объединиться со мной. Надо же...

Я перевела недоумённый взгляд с сестрицы на Макошь. Что же скажет она? Как отреагирует на бурные слова Авсении, богини, которая вопреки всем правилам божественной морали, пусть даже и в сердцах, но всё же высказалась о возможности выступить против тех, кто всегда во все времена возлагал на нас все свои надежды.

Макошь помолчала какое-то время, а потом вдруг произнесла:

Собственно об этом я и хотела повести речь далее.

О восстании богов против людей? – раскрыла я рот от удивления.

Нет. Об объединении вас двоих.

Мы с Асенией нехотя переглянулись.

О каком таком объединении идёт речь? – осторожно уточнила я.

Все сведения, которыми мы располагаем о новой религии – это больше смутные, поверхностные и разрозненные догадки. Как к этому новшеству относятся сами люди, особенно в

отдалённых от столицы краях мы не знаем. Что они думают о христианстве, насколько легковерны и подкупны на лживые речи византийских священников? Насколько легко они готовы предать забвению нашу религию ради людей в чёрных одеяниях с деревянными крестами на груди? Макошь замолчала, переводя взгляд с меня на Авсению, при этом пытаясь что-то разглядеть в нас.

Не знаю, как Сенька, но я ещё не поняла, что же хочет от нас богиня.

Что ты хочешь от нас? – озвучила вслух мои мысли Авсения.

Видать сегодня не только я страдаю отсутствием смекалки и проницательности.

Я хочу, чтобы ты, Авсения, и ты Морана, повернулась по очереди к каждой из нас богиня – вдвоём всё разузнали.

Разузнали? Но как?

Вдвоём?! одновременно воскликнули мы.

Вы вдвоём отправитесь в длительное путешествие по просторам нашей огромной необъятной страны. По городам и весям. Но всё же больше по весям. В средь простого трудового люда.

Что? Куда-куда отправимся? – пискнула Сенька и искоса поглядела на меня, мол, чего я-то молчу, почему не возмущаюсь.

На боевое задание, говорю, отправляю вас! Тебя и Морану! Вдвоём! – не выдержала обычно бесстрастная Макошь.

Если б я не сидела, то непременно бы села прям туда же, где стояла. Но так как мне всё же повезло не позориться, я всего лишь сделала вид, что случайно проглотила муху. То есть побледнела, потом позеленела, потом поперхнулась и наконец, закашлялась.

Вдвоём? Меня и её? Это невозможно! – отчеканила Авсения, приняв новость более достойно, нежели я.

Это почему же? – спокойно поинтересовалась у неё Макошь.

Потому что с ней я никогда и никуда не пойду! Хотя нет, если вдруг её решат сослать в Пекельное Царство, то на проводы я всё же приду. И даже немного провожу.

А совсем недавно ты не двусмысленно дала понять, что объединив ваши силы – вы будете непобедимы. То есть ты рассматривала сотрудничество с Мораной.

Ну...это было...как бы условно. Я не имела в виду это в прямом смысле, стала выкручиваться богиня.

Хм, что ж, в таком случае предлагаю проверить сию условную мысль на деле, то есть в самом что ни есть прямом смысле. Потому что завтра на рассвете вы обе покидаете Заповедный Бор.

Но..., заикнулась было Авсения, но увидев твёрдый суровый взгляд Макоши, умолкла.

Э, а можно взять слово? – неуверенно помахала я рукой.

Тот же самый взгляд был направлен и в мою сторону, который я на свой счет всё же воспринимать не стала.

А какой предполагается план? Куда конкретно нам нужно попасть? Что узнать? Может подстрекательство какое провести, науськивание против византийской веры или просто молча собирать материал? Наблюдения за жизнью людей в естественной для них среде обитания? Выспрашивать, пытаться нужно? Приветствуется ли подрыв морального духа врага? Всяческие вредительства в стану противника? Хотелось бы знать, каким образом нам следует действовать.

Вот это я понимаю, серьёзный подход к делу. Ну, почти серьёзный. Конкретно идти никуда не нужно. Просто идти. И да, просто наблюдение за жизнью людей в естественной среде обитания, может даже поучаствовать в сём процессе. Посмотреть на их жизнь изнутри. Вливайтесь, девочки. Ваша задача – понять тех, от кого вы так легко отмахиваетесь. Узнать поближе, осознать – насколько сильно вы нужны им, а они – вам, то есть нам всем. Повторюсь, что без их веры в нас – мы никто. Поэтому нельзя допустить в славянский мир чужую религию.

И по возможности не используйте свою силу. Это будет не на пользу. В первую очередь вам самим. А то ещё сожгут на костре, как ведьм. Или закопают заживо.

Сожгут?

Да. За колдовство христиане сжигают неверных. Мне бы не хотелось допустить такой трагедии.

О боги, что же это за вера такая? Я попыталась сглотнуть подступивший комоч. Неужели всё настолько плохо? Неужто наши дела и впрямь так печальны, как это описывает Макошь?

Но почему ты отправляешь именно меня и Морану? Почему бы Лельку не отправить? Лучезар то ладно, его смена скоро. Но весна то уже на исходе!

Я давно наблюдаю вашу вражду. И честно признаться, она мне порядком надоела. Поэтому и задание я поручила именно вам двоим. Надеюсь, что в попытках понять всю глубину происходящего, в стремлении докопаться до истины и, сплотившись, вы сможете заглянуть в душу самим себе, сможете понять кто вы, и возможно сможете понять, наконец, друг друга! Или, по крайней мере, станете терпимее. Но я очень надеюсь, что вы всё же подружитесь.

Авсения при этих словах отчётливо фыркнула, а я в свою очередь послала ей уничтожающий взгляд. Подружimsя? Вот это точно вряд ли случится.

Это конечно мои грёзы, которые я трепетно лелею, но не будем настолько наивны. Поэтому постарайтесь в пути не поубивать друг друга. Я также прекрасно понимаю, что вас двоих отпускать опасно для жизни. В первую очередь опасно для ваших собственных жизней. Поэтому с вами я отправляю кое-кого ещё. Это будет ваш проводник в мир людей, тот, кто более приспособлен для таких вылазок в мир иной. То есть я хотела сказать в мир, отличный от вам привычного мира и уклада жизни. У него опыта в этом деле больше вашего, да и в случае чего он легко сможет разнять вас, если вдруг вы решите улаживать собственные распри привычным для вас способом.

И кто же это? – поинтересовалась я.

О, ты уже с ним знакома, моя дорогая.

Моё сердце весело встрепенулось, ну, конечно же, это Мирт. Кто же ещё как не он так тесно знаком с миром людей.

Это наш новый леший. Вяз.

Кто? – не сразу поняла я.

Вяз. Ты же успела с ним познакомиться?

Моя улыбка разом померкла.

А, ну да. Успела.

Так вот, именно его я отправляю с вами.

Но почему именно его? Почему бы не отправить с нами Мирта, к примеру?

Потому что Вяз на это место более подходит, нежели Мирт. Вяз – он...м-м-м...ответственен. О, Морана, я не хочу обидеть твоего друга, но пойми, волкодлак всё же заметнее, нежели леший. К тому же нужно учитывать обратную сторону Мирта. Его звериную сущность и вспыльчивый нрав.

Мне оставалось только согласно кивнуть. Макошь права. Мирт бывает чересчур импульсивен, порой неконтролируем. Внутри него мгновенно может встрепенуться и озлобиться дикий волк и тогда всё пропало. Но с другой стороны я знаю его очень и очень давно, знаю его как облупленного, он мой лучший друг. И уж лучше я пойду с ним, чем с неизвестным мне типом, пусть даже сама Макошь поручилась за его доброе имя надёжного провожатого.

Я понимаю тебя, Морана. Ты за Мирта горой, но я не могу так рисковать. Поэтому вы идёте с Вязом.

А как же его обязанности? Заповедный Бор вновь будет без лешего?

Не волнуйся об этом. Уж я-то присмотрю здесь за порядком, уверила меня богиня, но такими заверениями только задела моё самолюбие.

Что ж, она старше, ей можно. А я в очередной раз проглочу колючку, брошенную в мою сторону.

А как же наши советники? – спросила Авсения. – Я могу взять с собой Лютого?

Насчёт этого вот что я вам скажу: приказывать оставить их тут я не буду, это всё же ваши слуги. Но всё же дам совет не рисковать понапрасну, Варс и Лютый – это в первую очередь лесные звери. А лесные обитатели должны обитать в лесу. Согласись, Авсения, что серый волк, сопровождающий повсюду простую славянскую девушку, выглядит со стороны очень подозрительно. Вряд ли он сойдёт за ручного дружелюбного пса, а филин за домашнюю разумную курицу. И опять же, увидят люди, как вы запросто с лесным зверьём общаетесь, примут непременно за ведьм. А нынче это становится опасным, как я уже говорила. Поэтому думайте сами. Что ж, мои хорошие, не будем терять времени даром. Вам ещё нужно собраться, привести себя и мысли в порядок.

А как долго нам предстоит сие путешествие?

Откладывать с этим делом никак нельзя. Травень⁴ на исходе, скоро Лучезар возьмёт Жезл в свои руки, и у вас будет три летних месяца. До середины рябинника⁵ вам необходимо вернуться. Выходите завтра на рассвете. Вяз будет ждать вас около избушки Трута.

Макошь искоса глянула на меня.

Морана, ты как? Если тебе не хочется, то встречу можно перенести в другое место. Я признаться, не подумала сначала, что...

Всё в порядке. Ничего не нужно переносить. Раз договорились о встрече там, то там мы и встретимся, – спокойно заверила я Макошь.

Та виновато закусил губу, но согласно кивнула. В воздухе повисла неловкая пауза, но тут положение спасла Авсения, разрядив обстановку вполне уместным замечанием.

Эм..., а как нам сейчас добираться до дома? Вплавь али на лебедях? И как тут дела с магией обстоят? Могу я уже откланяться и вернуться к себе?

Да, конечно, Авсения. Ах, да, девочки, в ваших светлицах вас ждёт новое соответствующее путешествию облачение. А то знаю вас, вырядитесь как на обрядовый праздник, а для нас важнее, чтобы вы выглядели значительно проще. Ни к чему лишний раз подчёркивать божественную сущность.

Что это значит? Простыми селянками, что ли одеваться? В грубые самотканые рубахи да лапти?! возмутилась Авсения.

Признаться честно я тоже была не в восторге от такой затеи, однако в словах Макоши был смысл.

Да, именно простыми селянками. Авсения, милая, тебе это понравится, вот увидишь.

Что-то я сомневаюсь, пробурчала та.

А ты просто мне поверь. Что ж, теперь вам пора. Желаю удачи, мои дорогие! богиня взмахнула правой рукой и не успела я сделать вдох, как уже стояла посреди своих полутёмных прохладных хором.

Я моргнула, привыкая к освещению и приводя мысли в порядок. Вот к чему я точно не была готова, так это к совместному походу по просторам Земли-матушки на пару с заклятой сестрицей. Ну Макошь и хитра, одним выстрелом двух зайцев решила убрать. И проблему всеобщего значения решить, и маленькую междоусобицу растряссти. Я, конечно, всё понимаю, проблема-то и впрямь значимая, но отправлять на такое ответственное задание двух вспыльчивых, самовлюблённых, взбалмошных и ненавидящих друг друга девиц очень рискованно. Боюсь, как бы мы вовсе задание не провалили.... Но она-то знает, что послушаться мы не в праве и всё сделаем, как она велела. Эх,... я перевела тоскливый взгляд на постель, где по

⁴ Травень – май

⁵ Рябинник – сентябрь

распоряжению богини меня уже дожидался скромный, но добротный набор одежды простой весчанки. Несколько белых льняных рубах с простым геометрическим орнаментом по рукавам и подолу, две понёвы⁶ шерстяная и полушерстяная, два наверхника⁷ – один будничный, сшитый из пестряди⁸, второй более нарядный, обшитый кружевом да речным жемчугом и крепкие мужские порты. Около кровати меня ждали новёхонькие, будто только сплетённые и пахнущие лыком лапти и, о, чудо, изящные летние сапожки. Я облегчённо вздохнула, хоть ноги не сотру лаптями с непривычки. Тут же на полу лежал небольшой походный мешок... Может, я сплю? Поверить не могу, что всё происходит на самом деле.

Краем глаза я уловила неясное движение.

Ты уже знаешь?

Да, Морана, знаю, вздохнул Варс.

Что скажешь?

Всякое дело терпением одолеть можно.

И что это значит?

Запастись терпением надо бы. Что тут не ясного?

Запастись кому?

Нам с тобой.

Ты отправишься со мной?

Безусловно, отправлюсь. Ты же пропадёшь в пути без моих советов!

Даже не смотря на предупреждения Макоши?

Однозначно запрещать сопровождать нам своих богинь она не стала.

Верно. А Лютый тоже идёт?

Да, но мы присоединимся к вам позже, предусмотрительно заявил советник.

Ох, не нравится мне эта затея! Надеюсь, я вернусь из этого Священного похода живой.

В противном случае Чернобог будет очень рад такой добыче в своём Пекельном Царстве.

Да и твой заместитель тоже – вся власть ему останется.

Не дождутся.

Глава 3

Слушай, рябина, что лес говорит.

Как и было условлено, на рассвете, поёживаясь и зевая, я отправилась к Трутовой избушке.

«Бывшей Трутовой избушке», мысленно поправила себя. Я медленно брела по извилистым тропкам просыпающегося Заповедного Бора, весело щебечущего птичьими голосами. Но это меня отнюдь не радовало. Голодная, не выспавшаяся, в грубых одеждах ненавистных мной смертных, я мрачно шагала сквозь лес. Даже новенькие сапожки не радовали, а нещадно натирали ноги. Деревенские лапти я намеренно оставила дома, ещё чего, в лаптях расхаживать! Однако сапоги, будь они не ладны, не оправдали моих ожиданий, и с каждым шагом я проклинала всё и всех. Уж лучше бы вообще домой не возвращалась, глядишь, может, избежала сей непомерной милости Богини-Матери, возложившей на мои хрупкие плечи груз тяжёлой ответственности за судьбу всего славянского пантеона.

Я так углубилась в скорбные думы, что совершенно неожиданно врезалась во что-то, образовавшееся на моём пути. Точнее кого-то. Я подняла глаза и встретила взглядом с синими хищными очами.

⁶ Понёва – распахная юбка, стянутая на талии пояском-гашником. Часто имела клетчатый узор, по типу шотландки.

⁷ Наверхник – деталь женского костюма, надеваемая в прохладную погоду поверх рубахи и понёвы.

⁸ Пестрядь – грубая домотканая ткань из разноцветных ниток.

Привет, Морана. Что же ты по сторонам не смотришь? Так можно напрямиком в пасть к волку угодить, проворковал Мирт.

А, привет. Да вот, задумалась.

О чём?

О судьбе.

Бедный-несчастный, мне уже жаль его.

Не смешно, Мирт. И вообще мне спешить нужно, я попыталась обойти волкодлака.

Что, совсем нет времени поболтать даже с другом? Эх, ты.

Извини, совсем нет.

А куда это ты так вырядилась? Вроде не святки.

Не твоего ума дело, Мирт, я попыталась обойти эту глыбу мускулов и ненужных вопросов с другой стороны. Но мне это вновь не удалось.

Так-так-так, лукавством и хитросплетениями попахивает. Что ты на этот раз задумала? Признавайся.

Ничего я не задумала.

Задумала-задумала. Просто так никто рядиться в скромных весчанок не станет. Особенно ты, Мирт скептически осмотрел мою невзрачную понёву, да грубую рубаху.

Я? Да я очень даже люблю простые народные одежды. Нужно быть ближе к народу, к тем, кто на нас еженощно молится. Нужно уметь понимать их суть, побыть в их шкуре, так сказать.

Ага. Морана, а ну говори, что за дело у тебя? Ни в жисть не поверю, чтоб ты добровольно в шкуру обычного народа влезть хотела! Ещё скажи, что ты в таком виде в люди выйти собралась.

Я поджала губы и отвела взгляд.

Да ладно! ахнул Мирт, оглядывая меня с головы до ног более внимательно. Я хочу знать подробности. Ходили слухи, что Макошь тебя и Авсению в народ засылает, но я не принял это на веру. Вы ж друг дружку поубиваете ещё до того, как солнце достигнет макушек сосен.

Откуда тебе знать? Ты даже не знаком с моей сестрой.

Так всё по твоим жизнеописаниям. Я скажу, очень они у тебя здорово выходят. Ярко, красочно, кроваво.... Как и насколько сильно ты любишь свою младшую сестричку по ним очень хорошо понятно. И то, что она к тебе питает такие же искренние чувства, тоже очень явственно прослеживается. Мне и необязательно лично её знать, хватило твоих рассказов. Так это все-таки, правда? Во, дела...

Это совсем не те дела, которые ты себе вообразил. Откуда, кстати, ты узнал про поход? – подозрительно прищурилась я на друга.

Э-э-э, да так, волкодлак поскрёб рукой кудрявую макушку.

Сознавайся! О походе знают только Макошь, Сенька, я и ...неужели Варс?!

Мирт сделал безмятежное выражение лица, почему-то при этом, избегая смотреть мне в глаза.

Я его убью!

Он не хотел. Просто так вышло, попытался защитить филина Мирт.

Старый пустомеля.

До много я сам додумался, не ругай его.

А ты не защищай его. И вообще, мне правда идти нужно, ты меня здорово задерживаешь, я вновь попыталась обойти друга, впрочем, на этот раз он и не препятствовал, а зашагал рядом.

Не могу поверить, что это действительно правда! Ты и Авсения. Вот это союз. Но кто вас разнимать будет в случае чего? Да и вообще как можно вас одних отпускать, вы же не знаете всей суровости жизни. У вас ни опыта, ни навыков общения с местным населением. Вы вообще не представляете как себя вести и как выживать в тех условиях, в которые Макошь вас отправляет. Ужас! Вы ведь пропадёте!

С нами идёт Вяз.

Кто это? Какой такой Вяз?

Новый леший. Я тебе про него уже говорила. Ты с ним ещё не знаком?

Да как-то всё случая не представилось с ним пересечься. Дела, понимаешь ли, уклончиво ответил волкодлак.

Какие это такие у тебя дела?

Неважно. Звериные. А ты его хорошо знаешь? Ему можно доверять?

Ему доверяет Макошь. Сама я его видела всего раз, когда ходила к избе Трута.

Ясно, вздохнул Мирт и, сменив тему добавил: Давай сюда свой мешок, а то не пристало богине на себе свой скарб таскать.

Я возражать не стала, всё равно ведь не отвяжется. Так мы и дошли до места сбора, каждый думая о своём. Мирт больше не пытался язвить и задевать мою божественную персону на предмет знания истории, быта и нравов населения земли русской. Мы подошли к отливающей на солнце золотистой избушке и огляделись в поисках остальных участников похода, которых почему-то нигде не наблюдалось.

Всё, ушли без тебя, Морана. Долго собираешься.

Неправда! Я как раз вовремя. Это они задерживаются!

Может, все внутри? Зайдём?

Нет, я... нет. Я лучше тут подожду, стушевалась я.

Само нахождение в этом месте причиняло нестерпимые душевные муки. Зайти внутрь значило вновь вскрыть только что затянувшийся глубокий рубец. Мирт сочувственно взглянул на меня, и только было собрался сказать что-то ободряющее, как на пороге избушки показался новый хозяин.

Вяз внимательно посмотрел на волкодлака, потом перевёл взгляд на меня, и улыбнувшись уголками губ, сдержанно поприветствовал. Я церемонно кивнула в ответ. В воздухе повисло неловкое молчание, воспользовавшись которым, я смогла украдкой оглядеть лешего ещё раз. Сегодня он был одет намного лучше, чем в нашу первую встречу. Крепкие сапоги, чистые порты, да льняная рубашка с косым воротом, из которого торчал шнурок. С берегом? От чего? От сглаза что ль? Смешно, леший и сглаза боится. Рубаха, кстати, была надета правильно, на людской манер.

Э, кхм. А что собственно происходит? Мы пришли все сегодня, чтобы вместе помолчать? Морана, может, ты представишь нас, чтобы я знал, с кем мне предстоит помолчать? подал голос Мирт.

Это Вяз – наш новый леший. Мирт – мой старинный друг. А где Авсения, кстати? – я, наконец, посмотрела в зелёные глаза лешего.

Тоже самое я хотел спросить у тебя, богиня. Думал, вы придёте вместе. А Мирт, Вяз дружелюбно улынулся волкодлаку, ещё один участник нашего путешествия?

Нет.

Да, одновременно выпалили мы с другом.

Да нет же, нет!

Да, именно, что да!

Нет, Мирт!

Да, Морана!

Разве у тебя не нашлось других, более насущных дел? Какого вурдалака тебе приспичило тащиться с нами?

У меня как раз совершенно случайно не возникло никаких насущных дел, и я могу со спокойной совестью тащиться с вами.

Нет, не можешь.

Это почему? Очень даже могу, я свободный волкодлак, свои права знаю, следовательно, могу поступать и ходить туда, куда мне идти заблагорассудится. А мне очень хочется идти с вами.

Ты видимо не в курсе распоряжений Макоши?

Мирт удивлённо приподнял брови.

Что за распоряжения?

Нашим проводником является Вяз. Вяз! А вот Мирта она вообще рекомендовала не брать в расчёт ни в коем случае. Этого тебе Варс сказать не удосужился?

Хм... Ну, Макоши совсем необязательно знать, что этот самый Мирт всё же в расчёт пошёл. Пусть думает, что я тихо-мирно бегаю по ярам Заповедного Бора, зайцев ловлю.

А как же твой огород? Зайцы всю морковку растащат. А птицы всю ягоду.

Пусть тащат. Не велика беда.

Ты видимо не понимаешь...

Я всё прекрасно понимаю. Уверяю тебя, Морана, что я полностью отдаю отчёт своим действиям и совершенно серьёзно, в ясном разуме и крепкой памяти заявляю, что очень явственно могу себе представить весь священный гнев Великой Богини, который она может обрушить на мою непокорную буйную головушку. И, тем не менее, это ни в коем разе не может отбить у меня охоту пойти с вами.

Я уставилась на Мирта во все глаза, не в силах поверить, что этот ненормальный говорит всерьёз. Хотя с него станется. Сколько раз он шёл против чужой воли, сколько раз делал всё на свой лад, не считаясь с мнением большинства. Но пойти против воли Верховной Богини? Ослушаться саму Макошь... может только самоубийца.

Ты понимаешь, что тебя ожидает, когда Макошь узнает?

Я же сказал, это сугубо мои проблемы. Это моя шкура и только я ею распоряжаюсь. Что тебе с того, если мне её не сносить?

Как это что мне с того? Ты мой лучший друг! Само собой я за тебя переживаю!

Премного благодарен за беспокойство. Я, правда, ценю твою заботу...

Кхм..., вдруг прервали наш спор, и мы с Миртом друженько повернулись на сей раздражитель.

Только сейчас я поняла, что напрочь забыла, где мы находимся, забыла и о Вязе, который скромненько стоял подле и деликатно не вступал в наш спор. Кхеканье, кстати, не ему принадлежало. Перед нами тремя стояла стройная лесная нимфа, скрестившая на груди руки и раздражённо постукивающая ножкой в мягком кожаном сапожке. Авсения.

Прошу простить меня великодушно, я, наверное, не вовремя. Зайду попозже?

О, нет, что ты, оставайся. А, впрочем, воля твоя, можешь мимо идти. Сейчас каждый волен делать, что ему вздумается. У нас же свобода воли. Не правда ли, Мирт? язвительно подметила я и вновь повернулась к волкодлаку. И чуть не поперхнулась.

Мирт во все глаза таращился на Сеньку, при этом глупо улыбаясь, того и гляди хвостом завиляет. Вот только этого мне и не хватало.

Мирт! возмущённо окликнула я друга.

Тот вздрогнул и посмотрел на меня как-то чересчур умиротворённо, совершенно не помиртовски.

А?

Вот ведь кобелина! Стоило увидеть новую юбку (я скосила глаза на сестрицу, облачённую порты, плотно обтягивающие её...кхм... бёдра), ладно, не юбку, но это неважно, так сразу всё, пропал. Все мысли сосредоточились не в том месте, где надо. Кстати, до сего момента я тоже Авсению в мужских штанах не видела. Сестра любила расшитые рубахи, ленты в длинных косах, каменья да перстни. А тут ты глянь, и не узнать! Деревенская девка в мужских портах! И что Мирт в ней такого углядел? Подумаешь, тоже мне, красавица расписная. Стоп! Чего это

я, в самом деле? Ревную?! Да прям! Мирт же мне друг. А Сенька – сестра. Я радоваться за них должна. Вот, мол, нашли, наконец, друг друга. Только вот не знает ещё Мирт, на какую гадюку позарился. Она же ему жизнь отравит, он же на четвёртый день от неё в лес сбежит. Хотя нет, намного раньше и намного дальше. В Горы Железные, к Чернобогу. Стоп. Я ревную. Ужас...

Я искоса посмотрела на Вяза, пытаюсь понять какое впечатление произвела эта кикимора болотная на лешего. Неужто и он не углядит в ней сущность дрянную? Вяз с интересом разглядывал новую гостью. Я бы сказала с любопытством грибника, изучающего красивый, но очень подозрительный гриб. Фух... Этот не попался. Хвала богам! Так, собственно о богах.

Э-э-э, Мирт? Можно тебя?

Так, а что вообще тут происходит? Может кто-то мне объяснит, наконец? одновременно проговорили мы с Авсенией и уставились друг на друга.

Ничего не происходит. Сейчас я выпровожу друга своего дражайшего восвояси, и можем двигаться в путь-дорогу.

Никуда ты меня не выпроводишь. И вообще, может, для начала познакомимся? А то как-то не очень вежливо с нашей стороны. Точнее с твоей, Морана. Да и Вяз вон зевать скоро начнёт со скуки, слушая твоё старческое брюзжание.

Чего? Это я-то брюзжу?!

Мирт прав, давайте уже переходить к делу. Время скоро к полудню двигаться начнёт, а мы в отличие от него так и стоим на месте, вдруг сказал леший, И для начала я бы хотел представиться. Я – Вяз, новый леший этого замечательного леса.

Я недоверчиво посмотрела на лешего. Откуда такой рассудительный тон, серьёзность во взгляде светлых очей? Учитывая нашу первую встречу, когда он казался нахальным и смешливым, нынешнее спокойствие и деловитость меня смущали. Так каков он на самом деле? Мне захотелось подойти к нему вплотную и задать этот вопрос, глядя в глаза.

Что ж, я – Авсения. Но вы вероятно и так знаете, кто я такая, жеманно улыбаясь, ответила сестра.

Я закатила глаза.

А я Мирт. Волкодлак и по совместительству лучший друг этой злоющей надутой вредины.

Здорово, все познакомились, может, чаепитие с пирожками ещё устроим? Поговорим о жизни, о насущном, о грядущем? – пробурчала злоющая вредина, то есть я.

Прекрасная идея! Морана, принеси воды, а? Будь другом. А мы с Вязом пока Авсению развлечём.

Я уничтожающе уставилась на друга.

Не смешно, Мирт. Дело вообще-то серьёзное. И отлагательств не терпит! А вот ты нас задерживаешь! Нам пора, и тебе тоже. В другую сторону!

Хорошо, я понял! Предлагаю выбор по голосам. Но прежде хочу выступить в свою пользу. Во-первых, один проводник – это хорошо, но два намного лучше. К тому же защитников в случае опасности тоже будет два. Я ни в коем случае не хочу усомниться в мужестве Вяза, но вдвоём и шансов спастись вдвое больше. Во-вторых, физический труд: дров наколоть, поохотиться, дерущихся девок по разным углам растащить вдвоём сподручнее.

Мы с Авсенией дружно охнули от возмущения, и недовольно покосившись друг на друга, засопели.

Уж, простите, девушки, но зная ваши характеры это вполне оправданная необходимость.

Авсения презрительно фыркнула, а я подленько возликовала в душе. Зная свою дражайшую родственницу, её горделивость и чрезмерное себялюбие, я поняла, что Мирт только что лишился всех шансов на благосклонность божественной пассии.

А в-третьих, вчетвером всё же веселее. Со мной уж точно не соскучишься, тем временем завершил свою речь волкодлак. Итак, кто за то, чтобы я пошёл с вами?

В воздухе повисла пауза. Я нарочито отвернулась, сделав вид, что меня вдруг очень увлѣк процесс цветения репейника. И неважно, что ему ещё не скоро цвести, внутренний процесс-то начался! Хотя судя по блѣклым и немного пожухлым стебелькам колючки, возможно, он и вовсе не доживѣт до сего момента.

Я – за, вдруг оторвал меня от созерцания бедного растения Вяз.

Что?

Я считаю, ему стоит пойти с нами.

Я так и знал, что мы непременно найдѣм общий язык! волкодлак протянул лапу, то есть руку лешему, и они обменялись дружеским рукопожатием.

Пусть идѣт. Мне лично всё равно, одним больше, одним меньше, равнодушно пожала плечами Авсения.

А как же воля Макоши? возмутилась я.

Мирт прав, это его решение, силком мы его за собой не тащим, пусть разбирается с Макошью сам, мудро заметил леший.

Выходит, ты в меньшинстве, Морана, обрадовался Мирт.

Выходит, что так, процедила я сквозь зубы.

Раз мы пришли к сему благополучному исходу дела, предлагаю выдвигаться. Где ваш походный скарб, девушки?

Какой скарб? не поняла Авсения.

Котелки, тёплая одежда, одеяла, сухой паѣк.

Мы недоумѣнно переглянулись

Ясно, а ещё говорила, что я буду только мешать. Да вы же пропадѣте одни. Не будь меня ... и Вяза, быстро добавил волкодлак.

Интересно, чем же твоѣ присутствие поможет нам? От того, что ты идѣшь с нами, котелки и сухой паѣк сами по себе не появятся. К тому же, судя по всему у тебя самого помимо хвоста и высокого самомнения ничего больше с собой нет.

У меня есть смекалка и да, хвост и высокое самомнение я тоже привык носить с собой. На всякий случай.

Кхм, вдруг кашлянул Вяз и все взоры устремились на лешего, Я предвидел это. Всѣ- таки богиням не часто приходится путешествовать в трудных условиях, поэтому о котелках, тёплых одеялах и сухом пайке я позаботился. А раз теперь у нас появились ещё одни крепкие мужские руки, смекалка и хвост, то весь походный скарб предлагаю разделить поровну. Кто против?

Все единодушно промолчали.

Тогда вперед.

Из Бора мы выходили молча, погружѣнные каждый в свои мысли и переживания. Скромный незамысловатый скарб разделили по-братски между собой парни, так что нам с Авсенией, шагавшим налегке только оставалось созерцать окружающую нас благодать лета, так стремительно наступающего на Лелькины пятки.

Как и предсказывал Вяз, время уже перевалило за полдень, а мы только-только подходили к границе Заповедного Бора. Планы выйти с утречка пораньше канули в болото. Сапоги нещадно натирали мне ноги, а наше путешествие только началось. Страшно представить, что будет дальше. Я посмотрела на бодро шагающего впереди лешего, затем скосила глаз на сестру, может ей уже идти в тягость? Хотя с виду не скажешь, идѣт себе спокойно, веточкой обмахивается. Кстати, надо бы попросить у лешего прощения, только сейчас я осознала, насколько некрасиво обошлась с ним в нашу первую встречу. С избой этой и правом жить в ней... Очень грубо было с моей стороны так себя повести. Я прикусила губу и вновь взглянула на Вяза. Как

назло Мирт не на шаг от него не отставал, вероятно, не позволяя лешему взять главенство в нашем маленьком отряде. Осознано это было сделано или нет? Кто поймёт этих волков?

«Вот ведь навязался на мою голову!» вновь разозлилась я на друга. А потом вздохнула, вот именно, друг. Старый, добрый, верный друг. При этой мысли совесть окончательно меня загрызла. Радоваться должна, что у меня ещё остались такие друзья, а я вредничаю. Я покосилась на Авсению, которая за всё утро так со мной и не заговорила. Н-да, зря Мирт опасался, чувствую, не придётся нас разнимать, раз мы даже разговаривать друг с другом не удосуживаемся. Хотя, может оно и к лучшему? Интересно только, как долго продлится этот молчаливый протест? Вечно молчать она не будет, не сможет точнее. Да и я тоже...

Пока я думаю думала, как бы мне так к Вязу подступиться, да без лишних ушей поговорить с ним о делах минувших, как мы медленно, но верно выбрались-таки из дебрей Заповедного Бора на узенькую, поросшую буйной молоденькой травкой дорогу. Даже не дорогу, а едва заметный намёк на то, что здесь ходят люди, боязливо оглядываясь, плюя через левое плечо, но крепко сжимая свои лукошки, вязанки дров или дряблые вожжи, неуверенно причмокивая и без того перепуганным лошадёнкам, мол не трусь, всё путём. Ага, как же тут не трястись, как же не вздрагивать от собственных же шагов? В Бору Заповедном же находишься, где нечисть самая, что ни есть лютая, обитает. Но народ славянский отчаянный дюже. Его лешаками, кикиморами всякими не запугать. Да и кушать хочется, а Бор на дары Природы-Матушки очень щедр. Но щедр исключительно с теми, кто не побоится под его сень ступить. А судя по количеству протоптанных в Бору стежек, богата Русь не только лесными дарами, но и отчаянными молодцами.

Вяз остановился и, развернувшись к нам, стал поджидать, когда отряд подтянется и скучкуется вокруг него. Эх, пролетел Мирт с видами на главенство в походе, не вожак он здесь. Похоже, волкодлак и сам это понял, судя по тому, как уважительно посмотрел на лешего и молча встал рядом. По правую руку от него. Когда мы с Авсенией подошли, Вяз внимательно оглядел нас.

Ну как, не устали девушки?

Сенька фыркнула и скрестила руки на груди.

С чего бы это нам уставать? Только вышли, взяла на себя ответ я за нас обеих, про стёртые в кровь ноги я мужественно промолчала.

Ну,...с непривычки может быть, немного растерялся леший.

Всё хорошо.

Тем не менее, предлагаю перекусить, немного отдохнуть и идти дальше.

У меня вопрос, вдруг сказал Мирт. Как я понял по указанию Макоши, куда-то конкретно вам идти велено не было. Куда глаза глядят так сказать. Но может, стоит всё же обговорить план странствия более...явственно? Ведь просто идти и знать, куда ты идёшь это две разные вещи. Не зная зачем, куда и почему идёшь, можно до края земли дойти.

Слушай, Мирт. Раз тебя что-то не устраивает...

Стой, Морана. Я не говорил, что меня что-то не устраивает. Я просто хотел знать подробности.

А может, хватит уже? Мне вот совершенно не хочется слушать ваши взаимные упрёки на протяжении всего совместного пути. Я конечно не против того, чтобы волк был с нами, я скорее бы проголосовала против участия Мораны в нашем странствии. Но увы, моего мнения на сей счёт никто не спрашивал. Так что заткнитесь оба и давайте уже устроим привал! высказалась Авсения.

Я раскрыла от удивления рот. Вот это выдала сестрица. Мирта видимо тоже поразила речь Сеньки, волкодлак со щенячьим восторгом смотрел на Осеннюю Богиню. И я всерьёз задумалась друг ли он мне после этого?!

Полностью поддерживаю, кивнул Вяз. В общем, так, отойдём вон к тем сосёнкам, разведём костерок, перекусим, обсудим насущные вопросы и двинемся в дорогу. Морана идёт за дровами, Авсения достанет котелок, да кружки из моего мешка, за водой сходит Мирт, думаю, он быстрее всех найдёт родник, а я помогу Моране со сбором дров, ну и с пресечением случайных встреч с Миртом в случае чего.

Я гневно посмотрела на волкодлака, который скривился в ответ и, подхватив походный котелок, демонстративно виляя хвостом, то есть задом, зашагал в противоположную от меня сторону. Ох, ну какие мы обидчивые, право! Я пожала плечами и, развернувшись, потопала на поиски дров. Далеко идти не пришлось, впереди я углядела довольно приличный сухостой, вымерзший после лютой зимы.

Вяз? – я обернулась к лешему, который шёл чуть позади меня. Раз подвернулся случай, я бы хотела попросить у тебя прощения.... Ну за тот случай.

Леший удивлённо вскинул брови.

За нашу первую встречу, пояснила я. Я не должна была так грубо себя вести с тобой. Это было очень некрасиво с моей стороны. Прости.

О, ничего страшного, Морана. Я... не был обижен на тебя. К тому же, учитывая всё, что тебе пришлось пережить. Потерю друзей и... в общем, просить прощения у меня – это лишнее.

Лишнее? я почувствовала себя неловко и глупо.

Я как дура маялась угрызениями совести, а для него это оказывается лишнее.

Всё нормально, правда. Свалился как снег на голову, понятное дело, ты разозлилась. Ещё и дурака валять начал, лешачьи замашки выказывать. Тут в пору мне перед тобой извиняться надобно. Так что оставим, махнул рукой Вяз.

Только сейчас до меня дошло, что он знает всё, что случилось.

А откуда ты знаешь... о моих друзьях?

Кое-что мне поведала Макошь. Не обо всём, но в общих чертах я знаю о тех событиях, что произошли зимой. И мне жаль, правда...

Я молча посмотрела в его глаза, не зная как себя повести. Всё последнее время я только и слышала от окружающих, как им жаль, да как они сочувствуют. Но на деле это были всего лишь фразы, пустые, неискренние слова. Всем по большому счёту было наплевать на то, что я пережила и что чувствовала, потеряв тех, кто был мне дорог. Но сейчас я действительно видела настоящее сопереживание. И не зная, что ответить, только кивнула. А он серьёзно смотрел на меня и молчал. Я попыталась отвести взгляд от его глаз, но не смогла. Горевшие диким смарагдовым светом в прошлый раз, теперь они были приглушённого зеленовато-карего оттенка палой осенней листвы. Спокойные, серьёзные. Сейчас я бы вряд ли угадала в нём лесную нечисть. Как странно.... За Буяном я почему-то не наблюдала такой резкой смены цвета глаз. Его очи всегда горели изумрудным огнём, выдавая импульсивную необузданную натуру. А вот Вяз видимо не такой, более спокойный, рассудительный. Хотя в первую нашу встречу был вылитый лесной тать.

Что ж, раз все неясности остались позади, идём за дровами? – вдруг сипло проговорила я. Да, Морана, конечно.

Вернувшись к месту нашей временной стоянки с охапкой дров, благо у Вяза оказался топор, которым леший умело орудовал, я заметила на себе пристальный взгляд волкодлака, да и Сенька как то подозрительно поглядывала на нас.

Что? с вызовом спросила я друга.

Ничего, тряхнул кудрями Мирт, разлёгшийся на травке и перекатывая во рту молодую былинку.

Вот и нечего тогда так смотреть!

Это как же?

Вот так, как смотришь.

Как так?

Так!

Прекратите ругаться, в самом-то деле, попытался успокоить надвигавшуюся вновь бурю леший.

А мы и не ругаемся, да Морана?

Верно, Мирт, процедила я и плюхнулась на траву, напротив друга.

А кто умеет разводить костёр? И что мы будем есть? разрядила обстановку сестрица.

Вот сейчас и решим все насущные вопросы, не переживай, Авсения, спокойно ответил Вяз, доставая откуда-то из-за пазухи кремь и кресало. Я так полагаю, что готовить вы не умеете?

Кашеварить?! Я?! Ещё чего! возмутилась Сенька.

Не умеем, более спокойно ответила я.

А ты, Мирт? – повернулся леший к тому.

А то! Я знатный кашевар! – задрал подбородок волкодлак.

Я вспомнила недавнюю подгоревшую кашу, которой он меня потчивал и поморщилась.

Я бы не возлагала слишком уж большие надежды на него.

Мирт только открыл рот для возражений, но Вяз его опередил.

Что ж, посмотрим. А пока – угощайтесь. Морана, открой вон ту котомку, там пироги, хлеб, соль, и баранки.

Я послушно вытащила снедь, развернув сукно, в которое она была завёрнута, и разложила на траве всё, что нашла. Получилась почти что скатерть-самобранка.

Леший с Миртом тем временем быстро накидали сухих веток, и Вяз развёл огонь. Затем подвесил котелок с водой на длинный кол-рогатину, предусмотрительно вбитый с уклоном над весело заплывавшим пламенем.

Итак, прошу к столу! хлопнул в ладоши Вяз и уселся рядом со мной. Кто желает горячего отвара на смородиновых листьях?

Ого! Да ты знатно подготовился, одобрительно усмехнулся волкодлак.

А я к своему стыду вспомнила, как была против того, чтобы с нами в поход шёл Вяз. Всё-таки он был лучше всех нас вместе взятых годен к такому ответственному заданию.

Авсения и Мирт дружно присели к «столу» и, не заставляя хозяина леса повторять дважды, принялись за трапезу.

Предлагаю в Каменную Речку даже не заходить, подал голос Мирт, как только первый голод был утолён. Это самая ближайшая к Бору веска, народ меня там знает, да и я народ тоже. Там все свои, ваших новоявленных служивых в чёрных одеждах там точно нет.

Хорошо, тогда куда идём? спросил Вяз.

Можно спуститься вниз по течению и зайти в Лещинки.

А там что?

Небольшая веска, в основном рыбаки с семьями живут. Поспрашиваем о новостях, прощупаем почву. Можно и заночевать там, если конечно доберёмся туда до наступления сумерек.

Доберёмся, да девушки? обратился к нам Вяз.

Куда ж мы денемся, проворчала Сенька, подозрительно растирая ноги, вынутые из новеньких сапожек. Видимо, сестрица как и я побрезговала лаптями и тоже оставила их дома и теперь страдала не меньше моего.

Ха, поди и мозоли натереть успела, также как и я. Но ни она, ни я признаваться в этом не собирались, уж лучше с гордостью (или по дурости?) стереть стопы в кровь, но не проронить ни звука.

Вяз сочувственно покосился на Осеннюю Богиню, а потом поймал мой кислый взгляд и видимо всё понял.

Что, почтенные богини, ноги стёрли в щегольских сапогах?

Мы обе потупились.

Как же вы по Земле-Матушке шагать-то будете? Ещё только нос из Бора показали и уже всё. Эх, вы...

А мы что же, всё время пешком идти должны?! ахнула Авсения.

А ты как думала, сестрица? На колеснице что ль?

Морана, но это же смешно! Я богиня, в конце концов!

Можешь вон Мирта оседлать, уверена, он будет не против, проворчала я.

Что?

Не против! Правда, девки взбираются мне не на спину, и обычно когда я при этом лежу, хохотнул Мирт.

Фу! вспыхнула сестрица и отвернулась от нахальной физиономии волкодлака.

А мне же наоборот стало весело, в кои то веки друг заставил краснеть не меня.

Пока мы выясняли, кто на ком поедет, Вяз порылся в походном мешке и вытащил на свет две пары крепких лыковых лаптей и к ним холщовых онучей.

Вот, держите.

Ого, что за волшебный мешок? Всё-то у него есть, изумился Мирт.

Что это? брезгливо сморщила нос Авсения.

Лапти. Предлагаю вам переобуться сейчас, пока есть возможность, и ноги сбережёте, и сапоги целее будут.

Я *это* обувать не стану! заупрячилась сестрица.

Авсения, будет благоразумнее, если ты и переобуешься и переоденешься тоже, спокойно ответил Вяз.

Это почему?

Нам желательно не выделяться среди народа, а наоборот.

Чем же плох мой наряд?

В целом он не плох, просто слишком... богатый. Даже если селянки и носят мужские порты, то явно не из заграничной ткани с тонкой вышивкой. А нам же нужно выглядеть обычными весчанами. Также нужно решить, какая у нас будет история.

История? тут уже не поняла я.

Вяз имеет в виду, что мы людям будем говорить. Кто мы, откуда, куда идём и зачем, пояснил Мирт.

Мы с Авсенией переглянулись.

И правда, что же нам говорить? Богинями представляться нам Макошь запретила, я озадаченно посмотрела на лешего.

Будем бродячими артистами! предложил Мирт.

Скоморохами? Ещё чего! возмутилась я.

У меня идея лучше. Мы с Мораной будем знатными купеческими дочками, а вы нашими слугами, предложила Авсения.

Ага, купеческие дочки, да в лаптях!

А мы не станем надевать лапти!

Не забывайте, что наша задача – быть среди простого люда. Эта идея не подходит, покачал головой Вяз. Может нам представляться бедными селянами, путешествующими в поисках лучшей доли? Тогда мы не вызовем в людях подозрений, а наоборот даже расположим их к себе.

Две одинокие незамужние девушки в сопровождении чужих им парней тоже выглядят подозрительно, заметила Авсения.

Согласен, кивнул Вяз.

Поэтому Морана так и быть может стать моей сестрой, а Авсения – невестой, расплылся в довольной улыбке Мирт.

Что?! возмутились мы с Сенькой разом.

А что? Вполне приличная история. А Вяз будет моим лучшим другом.

Тогда уж лучше пусть Авсения будет сестрой Вязу, а ты так уж и быть мне братом, проворчала я.

А может всё же скоморохами?

Прекращай, Мирт!

Ладно-ладно, не кипятись, сестричка, подмигнул мне новообретённый брат.

Мне эта идея нравится. Если конечно Авсения не против нашего с ней временного родства, леший испытующе посмотрел на сестру.

Уж лучше так, чем, невестой волку, буркнула та.

А вот сейчас было обидно!

Прекращай, Мирт! снова не выдержала я.

Чего?!

Стоп! Этот вопрос решили. Идём дальше, вновь охладил накал Вяз.

К слову об «идём дальше», я категорически против ходить пешком! Я и так себе ноги стёрла! закапризничала Авсения.

Могу предложить свободную волчью спину, вновь встала я.

Морана, теперь тебя успокаивать? леший кинул мне усталый взгляд. По поводу иди пешком – отвечу. Пока да, идти. До Лещинок, так уж точно топтать на своих двоих придётся. А там с местными сговоримся, может, телегу выторгую с какой-никакой лошадёнкой.

Телегу? ужаснулась Авсения.

А тебе что, колесницу подавай? Может у Дажьбога⁹ одолжить? съязвила я.

Нет, но...

Авсения, телега – подходящий вариант. Либо пешком.

Но...

Я понимаю, что для вас, богинь, это непривычно, возможно унизительно, но другого выхода нет. Воспринимайте всё это как... развлечение, или временное неудобство, Вяз посмотрел на Авсению с искренним сочувствием. А я постараюсь привнести в ваше положение как можно больше помощи и поддержки. Согласны?

Сестрица тяжело вздохнула и кивнула.

Морана?

Согласны.

Тогда переобувайтесь и в дорогу.

Глава 4

Не боги горшки обжигают.

На тропу к Лещинкам мы выбрались, когда тяжёлое солнце уже опускало румяные бока за тёмные сосны Заповедного Бора.

Да, девушки, такими темпами мы вернёмся домой в лучшем случае к первому снегу, удручённо покачал головой Мирт. Вот Лучезар обрадуется!

С чего ему радоваться? не поняла Авсения, держась за поясницу.

⁹ Дажьбог – бог Солнца, податель тепла и света. Часто изображается на золотой колеснице, запряжённой львами либо дюжиной белых огнедышащих коней.

Как с чего? Две самые вредные богини сгинули невесть куда и когда вернутся неизвестно. Вернутся ли вообще? Вся власть над временами года одному Лучезару достанется.

Ещё чего! Этому не бывать! Скажи, Морана!

Конечно, не бывать, поддакнула я.

Эх, а зря... Вечное лето было бы, хорошо... продолжал издеваться волкодлак.

Сам прекрасно знаешь, что ничего хорошего из этого бы не получилось.

Дай хоть помечтать, Морана.

После помечтаете, пришли, внёс свою лепту Вяз и, оглядев нас критическим взглядом, добавил: Уже темнеет, надо искать ночлег. Мирт, здесь есть какой-нибудь постоянный двор или корчма?

Нет, веска маленькая, ничем не примечательная, от больших дорог далеко стоит. Сюда торговые люди почти не заезжают. Но у меня тут есть знакомый, может, он нас приютит.

Он волкодлак? повернулась я к другу.

Вообще-то да. Обычно я дружу с себе подобными, Морана.

А он...не опасен?

Не переживай, он вполне дружелюбный.

Дружелюбный волкодлак – это что-то новенькое, пропыхтела Авсения.

Если к нам по-доброму, мы клыки не показываем, улыбнулся Мирт.

Ага, только оскал, буркнула я.

Странное место для жизни он выбрал. Он что же, волк-рыболов? вновь влезла сестрица.

А почему нет? У всех свои причуды.

Тогда веди нас к нему, ночевать где-то надо. Надеюсь никто не против? Вяз вопросительно посмотрел на нас.

Я не против, если Мирт за него ручается.

Ручаюсь, Морана.

Авсения? леший посмотрел на сестру.

Мне всё равно, давайте уже хоть куда-нибудь пойдём. Я страсть, как хочу разуться.

Тогда решено.

Вот только бы вспомнить, где его логово, то есть дом, почесал в макушке оборотень.

Чегой-то потеряли, люди добрые? вдруг откуда ни возьмись, раздался бодрый мужской голос.

Мы разом повернулись в сторону обладателя сего говора и увидели перед собой невысокого щуплого мужичка с закатанными до колен портами. Во всклоченной шевелюре рыжие прядки уже перемежались с серебристыми, но голубые глаза молодцевато искрились, излучая любопытство, а лицо, сплошь усыпанное множеством веснушек и вовсе походило на лицо шкодливого мальчишки-сорванца. В одной руке он держал сачок, в котором трепыхалась паратройка крупных рыб, в другой сжимал снасти.

Вечер добрый мил человек, мы простые путники, устали с дороги. Нам бы переночевать. Может, подскажешь, к кому обратиться? Или сам нас приютишь? В долгу не останемся, денег правда у нас нет, но за доброту твою трудом отплатим, не переживай, запел соловьём Вяз.

Мужичок прищурил глазки и уже бесцеремонно оглядел нас с ног до головы.

Путники, говоришь? А может разбойники, а? – он перевёл подозрительный взгляд на Мирта, который одним своим видом внушал именно что опасения, а не образ простого путника. Если тот ещё покажет свой оскал, не видать нам ни ночлега, ни вечерней трапезы.

Что ты, дяденька. Какие же мы разбойники? То братец мой, Мирт, вступила я в беседу, попутно одёргивая волкодлака, мол спрячь клыки. А это подружка моя, почти сестра Се..., Снеша и брат её – Вяз. А я Мо...Ма...

Марьяна, влез «братец».

Да. Я – Марьяна. А он – Мирт, брат и сестра мы, глупо добавила я.

И откуда вы будете? С Каменной Речки? У меня там деверь с семьёй, если что.

Нет, мы из... из...

Нижних Косуль, подсказал Вяз.

Это где ж? Не слыхал о таких Косулях, почесал в кудлатой бородёнке мужичок.

А это там, за Бором, неопределённо махнул рукой Вяз, погорели Косули-то. Считай, что и нет теперь такого селища...

Ого. Обездоленные что ль?

Обездоленные сироты. Без крова, без родных остались, всхлипнула Марьяна, то есть я, теребя косу.

Ну что ж, горе, конечно. А я – Живко. Пойдёмте, так и быть приючу на ночь. Рыбкой вон свеженькой угощу. У меня, правда, избёнка махонькая, один живу. Девочек так и быть на печь пушу, а парни пушай в сенках ночуют.

Спасибо, тебе дяденька, чувственно проговорила я.

Да чего уж там, махнул рукой Живко и зашагал в сторону вески. А подружка твоё что – немая?

Нет, что ты, скромная она просто. Особенно с незнакомыми, я бросила хмурый взгляд в сторону Авсении.

«Хватит из себя недотрогу корчить!»

Говоришь, один живёшь. А до этого почему сказал, что у тебя в Каменной Речке деверь есть? Где же жена твоё? вдруг спросил Вяз, приноравливаясь к шагу Живко.

Была жена. И семья была. Жили в Каменной Речке... Помёрли три зимы назад. Сначала младшенькая слегла, Веля, любимица моя, а там и остальных за собой потянула... Ещё снег не сошёл, а я всех схоронил. Остался один. Маялся, мыкался, думал или утоплюсь, или на осине повешусь. Сестра сняла... В общем, сюда перебрался из Каменной Речки-то. Чего мне там одному? Вот и ушёл. А сестра с семейством там остались. Так-то.

Мы скорбно покивали головами и, не отставая от Живко, дальше молча зашагали в Лещинки.

Я нахмурилась, вспоминая...

Три года назад по моей указке моруны наслали на Каменную Речку хворь. Ничего не обычного, сначала заболели дети, кто слёг, те утащили за собой стариков и младенцев. Потом старших братьев и сестёр, затем родителей... Многие умирали целыми семьями, кто-то хоронил самых слабых и старых, кого-то она обходила стороной. Для меня все те смерти были далёкими, безликими цифрами. А сейчас, глядя искоса на Живко они вдруг обрели материальность, будто проступили их силуэты. Я вдруг явственно представила себе маленькую злотокудру Велю, бегающую вокруг Живко, она кричит, хохочет. А впереди, около избы стоит женщина, руками за округлый живот держится и улыбается...

Каждая зима это вызов. Это борьба, иногда неравная и несправедливая. Многие проигрывают эту борьбу. Но многие и побеждают. Живко смог победить. Не зря именем таким нарекли. Тело тщедушное, а душа крепкая. Я трянула головой, отгоняя от себя мороки, не хочу видеть ни маленькую Велю, ни беременную женщину. Не я так решила, так распорядилась судьба. А жизнь – она коротка. И надо умудриться поймать каждый миг, надо наполнить её смыслом, теплом и любовью. А потом придёт зима и внесёт в неё свои правки.

Веска Лещинки была даже не веской, а небольшим рыбацким стойбищем, не имеющим никакого заплота¹⁰. Все избы, землянки и полуземлянки были раскиданы по берегу Смородины

¹⁰ Заплот - конструкция, представлявшая собой врытые в землю опоры – столбы – на которых горизонтально укреплялись

в каком-то спешном, бестолковом порядке, лещинцам только ведомом. Берег был довольно высок, поэтому люди не переживали о том, что Смородина коварно смоет домики в половодье, и потому никак их не укрепляли. А если и смоет, невелика беда – новую землянку вырыть можно, или вообще к родичам съехать.

Вот и пришли, Живко уверенно подошёл к третьей по счёту избёнке и обернулся, улыбаясь.

Из-за угла тут же выскочила чёрно-белая вихрастая шавка, ростом едва доставая до лытки¹¹ Живко, и принялась звонко тявкать. Сенька взвизгнула и спряталась за Мирта, который с радостью предоставил ей свою спасительную спину. Но почуяв волкодлака, собачонка прижала уши и, трусливо повизгивая, сама попятилась за хозяина.

Тише, тише, Кукла, ты чего? Иди, иди, не вертись тут! – хозяин потрепал псину по курчавому боку, одновременно отпихивая её в сторону. Заходите, покуда всех лещинцев не перетревожила эта дурёха.

На лай собачонки кое-кто всё же успел выглянуть из своих хат. Кто-то открыто вышел на улицу, кто-то, воровато подглядывая сквозь ставень или колышущую грубую занавеску. Лица были хмурые, неприветливые. Если такие люди будут встречаться повсеместно в нашем странствии, лучше бы и вовсе от него отказаться. К такому недоверчивому и угрюмому народу заморские служители веры не подберутся лет сто точно.

Мы гуськом прошли вслед за хозяином в сенки, а далее в саму избу. Едва не наступая друг другу на пятки, (а Сенька чуть верхом на спине довольного Мирта), наша компания, наконец, оказалась вдали от недоброжелательных глаз.

Бросив на стол сачок с рыбой и снасти, Живко тут же принялся зажигать лучины, тем самым разгоняя мрак наступающих сумерек. Мы скромно присели на полати, и дружно установились на хозяина, ожидая каких-либо указаний, которые он не замедлил дать.

И чего расселись? Рыбка сама себя не приготовит. Не хлеб за брюхом ходит, а брюхо за хлебом. А ну, девки бегом на двор рыбу чистить. В сенях кадушка, ополоснёте. Ты, чернявый за водой на реку, вёдра у двери найдёшь, а ты – кивнул Живко лешему, печь разжигай, дрова туточки лежат.

Мы с Сенькой испуганно переглянулись. Рыбу чистить?! Мы?! Это как же? Волкодлак с лешим тоже многозначительно обменялись взглядами.

«Во, попали».

Мирт взял сачок и кивком головы дал понять следовать за ним. Пришлось снова подниматься и выходить во двор.

Морана, я не умею чистить рыбу! с паникой в голосе прошипела мне в ухо Сенька.

Я представь себе тоже.

Ничего, девоньки, научитесь, не велика премудрость, утешил нас всёслышащий Мирт.

Но как?!

А вот так, волкодлак лихо ухватил из сачка одного из судаков и перевернул брюшком кверху. Другой рукой вытащил из-за голенища сапога нож и ткнул остриём во всё ещё трепыхающуюся рыбину. Рыбу всегда чистят от хвоста к голове. Видите это отверстие? Оно есть у каждого, глумливо ухмыльнулся волк, Авсения аж вспыхнула, так вот, от него к голове резким движением ножа разрезаем тушку. Мирт проворно вспорол рыбу, будто сливочное масло разрезал. Дальше запускаем пальцы в утробу и удаляем потроха, р-р-раз! И готово. Теперь осталось чешую почистить. Это делается также от хвоста к голове, иначе будете сверкать этой самой чешуёй, словно русалки.

жерди, а к жердям вертикально устанавливались доски или брёвна.

¹¹ Лытка – часть ноги ниже колена.

Волкодлак стряхнул на землю скользкие рыбы внутренности и потряс за хвост перед Сенькиным носом выпотрошенную серо-зелёную рыбину. Сестрица взвизгнула и спряталась уже за моей спиной.

Я в руки не возьму эту мерзость!

М-да, видимо Макошь не учла этот щекотливый момент, когда решила отправить вас в простонародье, задумчиво произнёс Мирт.

А мы и не просились! верещала Авсения.

Это уже дело десятое. Будете учиться на ходу.

А если у нас не получится?!

Главное, не паниковать.

Ну что, как у вас дела? вдруг выглянул из-за угла дома леший.

У нас проблемы, серьёзно проговорил волкодлак. Видимо придётся менять нашу «историю». Или заканчивать путешествие с признанием полного провала.

Леший озадаченно переводил взгляд с ошарашенной меня, на брезгливо сморщенную Авсению, затем на скорбно поджавшего губы Мирта и, на грустно свесившую хвост, рыбину в его руке.

Ну, нет, раз взялись, значит идём до конца! Давай мне нож! я уверенно протянула руку к оружию убийства, точнее быта. От хвоста к голове, говоришь. Сейчас проверим, так ли это просто, как выглядит.

Я, не раздумывая вытащила второго судака, который очень подозрительно скосил на меня глаз, видимо сомневаясь в моих силах, я в них тоже сомневалась, но отступать не привыкла. Сенька и Мирт благоразумно отошли от меня подальше, Вяз спрятался за угол. В воздухе повисла звенящая тишина, даже птички перестали щебетать. Я неуклюже, придерживая судака второй рукой с зажатым в ней ножом, развернула рыбу брюшком вверх. Затем, прищутив один глаз, наметила нужное место и попыталась проткнуть кожу ножом. Рыба шустро, будто ждала этого выскочила из моих рук и по красивой дуге сначала полетела в сторону Авсении, но не долетев, поскакала по земле, помогая себе хвостом.

И-и-и-и-и! заверещала сестрица, будто не рыбину, а её сейчас потрошить будут, и завертелась волчком на месте.

Лови, лови её скорее, а то убежи-и-ит! – хохотнул Мирт, вновь потрясая перед носом богини выпотрошенной тушкой.

Ах, ты ж! я кровожадно нацелила нож на ускокавший ужин и двинулась на него, широко расставив руки.

Ы-ы-ы-ы! – продолжала выть Сенька.

У-у-у-у-у-у, не сдавалась я, входя во вкус, точнее в возбуждение.

Ах-ха-ха-ха-ха! зловеще хохотал волкодлак.

Уберите, уберите-е-е-е, её-о-о-о!

Хватай, лови!

Сто-о-о-ой!

А-А-А-А-А!!!

Что вы делаете?! Прекращайте! Мирт, заberi у Мораны нож! Авсения, ради Макоши, успокойся и заткн... возьми себя в руки! Сейчас вся Лещинка сбежится, попытается взять под контроль вышедшую из него ситуацию Вяз.

Как ни странно, волкодлак тут же перестал паясничать и, отобрав у меня оружие, принялся за дело. Рыба была выпотрошена и почищена в два счёта. Вручив мне кадушку с освежёванными тушками, он отправился за водой. А я, прижав к груди судаков, как деток малых засеменила к избе. Сенька за мной, всхлипывая и вцепившись одеревеневшими пальцами в край понёвы, будто боясь, что я сбегу, или что рыбины утащат меня в Смородину, обратно в омут.

Ну, девоньки, вас только за смертью посылать, покачал головой Живко.

Я скорбно поджала губы, радуясь, что Мирт ещё не вернулся, иначе бы обязательно сострил по поводу того, что посылать уже не нужно, сама переночевать напросилась.

А где чернявый ваш? Уплыл что ль?

Сейчас придёт. Он нам... помогал рыбку чистить, тихо сказала я.

А вы что, не умеете? ужаснулся мужик.

У нас в веске... не особо рыбачили.

Во, дела. Ну, давай-ка судачков сюда. Сейчас быстренько с лучком пожарю, и вечерять будем.

Я быстро протянула кадушку с рыбой и бочком отошла к лавке. В избе стало ещё темнее, но Живко это ни капли не мешало, он в три счёта нарезал судаков, нашинковал лук, отправил всё на раскалённую сковороду, которая шумно заискрилась. Рядом, на печке, весело бурлил котелок с ароматным взваром прошлогодних лесных трав. От запахов, витавших в избе, у меня предательски заурчало в животе.

А кто его так порезал? Брата твоего, вдруг полюбопытствовал Живко.

Брата? А...кхм... волк напал, выкрутилась я.

Свезло парню, чуть выше бы полоснул и глаза как не бывало. Или вообще... каюк...

Да, он у нас везунчик.

В этот момент в дверь как раз ввалился волкодлак, следом за ним порог переступил леший. Странно, я даже не заметила, что его не было в избе. Куда ж он ходил?

Всё, хозяин, воду принёс, во дворе ведра стоят.

Молодчик! Садись к столу, и рыбка сейчас поспеет. И ты садись, чего в пороге стоять? Девоньки, тарелки то расставьте, вон они, на полке-то стоят. Хлеб у меня есть, простокваша, мёду могу налить, крепкий, забористый.

Спасибо, тебе, хозяин, было бы неплохо, наливай! задорно махнул рукой Мирт.

Вяз же промолчал.

А скажи-ка, где мне Хорта найти? Живёт ли он ещё в Лещинках?

Живёт, куда ж ему деваться-то? – ответила спина Живко, сам он вновь отвернулся к ворчащей сковороде. В крайней к лесу землянке. Знакомый что ль ваш?

Мой, кивнул волкодлак.

Нелюдимый он, от всех стороной держится. Да нам-то что? Среди рыбаков мало словоохотливых. Рыба-то она разговоры не любит. Ну всё, готово кушанье. А ну, налетай.

Хозяин выставил в центр стола пышущую жиром и густым ароматом рыбы сковороду. Как по волшебству рядом оказалась плетёная корзинка с ржаным хлебом и пузатый кувшин с хмельным мёдом. Мы тут же набросились на еду, даже Сенька, позабыв свои степенные манеры богини, уплетала рыбу за обе щёки, разламывая мягкое нежнейшее мясо прямо руками, не забывая потом облизать жирные пальцы. Да и я не отставала, поглядывая на волкодлака и лешего, ловко орудующих деревянными ложками. За столом почти не говорили, все устали и вымотались за длинный день. В избе тихо потрескивали лучины, приглушённо фыркала печь, где-то по углам скреблись то ли мыши, то ли домовый с домовихой. За окном ухала сова. Я поглядывала на своих таких разных и непредсказуемых спутников, с которыми мне было уютно влипнуть во всю эту передрыгу, и как ни странно, была почти счастлива. Ведь впервые за долгое время у меня не болела душа.

Зато ныла спина, ломило ноги и руки. Спасибо, тебе Великая Макошь.

Как и обещал Живко, спать мы с Авсенией полезли на печь. Я так устала, что попросту не вспомнила о боязни высоты, сестрица поначалу что-то ворчала, мол не дело это богиням

по печам лазать, но я злорадно подтолкнула её под зад и забралась следом. Потом. Всё потом, а сейчас спать.

Парни утопали в сенки, где их дожидался соломенный тюфяк. Мне было интересно как, они будут делить его, но я так сильно утомилась, что делать какие-то предположения просто не было сил. Как и спрашивать где будет ночевать сам Живко. Завтра. Узнаю обо всём завтра. Едва коснувшись головой свёрнутой калачом овчины, заменявшей подушку, я провалилась в крепкий сон.

А под утро меня разбудил Мирт, тихонько тормоша за плечо.

М-м-м? Что такое? пробормотала я, не желая раскрывать глаз.

Тихо, ты. Вставай, поговорить надо.

А нельзя позже?

Вставай, говорят тебе, засоня!

Я тяжело вздохнула и, сладко потянувшись, чуть не свалилась с печи прямо на голову другу.

Прибить меня захотела? Аккуратней! возмутился Мирт.

Тебя и прибить мало, злодей, поспать не дал! прошипела я.

Пошли во двор, пока не перебудила всех.

Я сердито посмотрела на волкодлака, но всё-таки вышла из избы. Ночь давно сложила свою тёмно-синюю шаль и не спеша удалялась за высокие сосны Заповедного Бора. А с противоположной, восточной стороны из рук Денницы¹² уже выпорхнула утренняя звезда. Юркая помощница, озарившая румяным цветом небо, призывала проснуться и выпустить живительные лучи Хорса¹³. Несколько мгновений, и округа огласится надрывным кукареканьем весчанских петухов, ознаменовавшим приход нового дня, а к ним присоединится мычание бурёнок и бреханье ворчливых псов.

Ну и зачем вы меня разбудили в такую рань? – зевая и поёживаясь на утреннем холодке, спросила я у лешего, умиротворённо изучающего утреннее небо.

Мирт предлагает уходить сейчас, пока в веске не проснулся народ, не поворачивая головы, поведал Вяз.

Почему? – я изумлённо уставилась на волкодлака.

Не вижу смысла задерживаться, пожал плечами тот.

А как же Живко?

А что с ним? – не понял друг.

Как же наш уговор помочь ему за то, что приютил? Сбегать сейчас это неправильно!

Я вообще считаю, что наше дело в целом пошло неправильно. Вы с Авсенией не подготовлены к сельскому ремеслу.

Но мы выкрутились!

Просто повезло. Так будет не всегда. Люди любопытны, и проницательны. Не получится всех держать за дураков.

Но мы никого и не станем дурачить!

Тогда вы выставите дурами себя.

Но почему?

Разве ты не видишь простых вещей? Готовить вы не умеете. А шить? Прясть? Стирать бельё? Ничего у вас не выйдет.

Всё выйдет! Мы научимся! Вы с Вязом будете нам помогать! Я не вернусь сейчас в Бор. Что я скажу Макоши?

¹² Денница – богиня зари, сестра Хорса. У Денницы в помощниках имеется три звезды. Утренняя звезда всегда появляется на рассвете, вечерняя звезда ознаменует начало вечерних сумерек и безымянная звезда, та, что восходит в полночь.

¹³ Хорс – бог солнца и солнечного света.

Правду, волкодлак пристально посмотрел на меня.

Ты же сам хотел приключений! Вяз, почему ты молчишь?

Хотел убедиться, что ты настроена решительно. Я полностью тебя поддерживаю, Морана. Да, нам будет тяжело, точнее вам с Авсенией, но если мы будем действовать сообща – у нас всё получится.

Я с торжеством посмотрела на Мирта.

Быстро ты сдался, друже.

Я не сдался, просто смотрю на вещи трезво, без прикрас, но с надеждой на лучший исход. И раз так, тогда продолжаем наши приключения. Это и впрямь будет весело!

Волкодлак с лешим выразительно переглянулись, будто сговариваясь о чём-то.

Нужно возвращаться в избу, пока нас никто не увидел, обронил Вяз и направился внутрь первым.

Ну что, голубчики мои, я вас хлебом солью накормил-напоил, под свой кров ночевать пустил. Теперь и вы мне подсобите, трудом за добро оплатите, молвил Живко, хитро сверкая глазами.

Да легко, хозяин, говори, что делать, миролюбиво ответил волкодлак, поглаживая себя по сытому животу.

К завтраку Живко быстро собрал на стол крынку молока с ржаным хлебом, пшеничную кашу, правда вчерашнюю, зато щедро сдобренную маслом и мёдом. Мы с Авсенией шустро расставили тарелки, да кружки с ложками, уже зная, что где стоит и откуда что брать.

Девкам рубахи сейчас штопать выдам, накопилось. Пол подмести, вымыть надо. Дров наколоть. Парни, решайте кто. А второй со мной на реку пойдёт, сети проверить, улов снять. А, и старые сети починить всё никак руки не доходят. Вот вроде бы и всё. Вы же никуда не спешите, ребята?

Не спешим, дружно вздохнули мы.

Я с тобой, дядя Живко, на реку пойду. А Вяз дров наколет. Согласен? хитро прищурился Мирт.

Хорошо, не стал спорить леший.

Я за рубахи возьмусь, вдруг вызвалась Сенька, шить я умею, теребя косу, быстро добавила она, как бы боясь, что начнут возмущаться.

Что ж, я а вымою полы, обречённо вздохнула я.

«Учись-учись, богиня», расплылся в довольном оскале волк.

«Не велика премудрость», прищурилась я в ответ, едва сдерживая себя, лишь бы не запустить в друга ложкой.

«Справишься?», озабочено взглянул на меня Вяз.

«Куда ж я денусь!», пожалала я плечами.

Так и порешили.

Вот и замечательно! хлопнул в ладоши Живко, бодро вставая из-за стола. С вас ещё посуду вымыть, девоньки. Вода в вёдрах с вчера осталась.

Хорошо, грустно ответили мы с Авсенией.

Морана, ты не обижаешься, что я вызвалась рубахи штопать? огорошила меня сестрица, стоило нам вдвоём остаться в избе.

С чего бы? я усердно отмывала с тарелки прилипшую кашу.

Просто мытьё полов это...

Брось, Авсения. Сегодня я полы научусь мыть, завтра – ты.
Завтра? Сеня брякнула кружку обратно в лохань с грязной водой.
Это я образно. Ты же не думала, что я всё время их мыть вызвалась?
Э-э-э-э, ну...

Ещё чего! И рыбу чистить, и полы мыть и много чего ещё предстоит научиться делать не только мне, Авсения, но и тебе. Не только ты у нас богиня, не забывай. Не только тебе всё это делать не нравится и не хочется, но и мне тоже. Но надо. Смирись и делай!

Авсения недовольно поджала губы и замолчала.

Со двора мерно раздавался звон колуна о брёвна. Всё-таки хорошо, что с нами были мужчины. В случае чего, они всегда нас и от беды спасут, и помогут разобраться в тонкостях весчанского быта. Даже от Мирта, и та польза была, зря я на него нападала. Да и Вяз оказался вполне годным вожаком нашего небольшого отряда. Думаю, не пропадём мы с ними на просторах Земли-Матушки.

Раздумывая над своей непростой долей, мы с сестрицей быстренько разделались с грязной посудой. Авсения подхватила рубахи Живко и уселась на лавку около печного угла. Я хмыкнула, глядя на такое зрелище, Осенняя Богиня в лаптях, скромном одеянии, да с иглой в руке корпит над мужиковыми рубахами. Эка невидаль! Потом правда я оглядела себя в точно таком же облачении и вздохнула. Ладно, главное не унывать. С такими мыслями я ухватилась за метлу и принялась за дело. Я так рьяно орудовала ею, что в избе поднялась пыльная буря, мы с Сенькой расчихались и выбежали вон из хаты.

Как успехи? тут же спросил Вяз.

Что мы, в самом деле, с мытьём полов не справимся? Пчхи! отряхнулась я.

Она там устроила целый буран! Только не из снега, а из пыли! сдала меня сестрица.

Посмотрим, как ты с рубахами справишься, дурёха. А то приштопаешь рукав к воротнику, во смеху будет!

Я шить умею, в отличие от тебя!

Не поверю, пока не увижу собственными глазами!

Богини, прекращайте ссориться и принимайтесь за дело, оборвал наш спор леший.

Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Авсения яростно прошагала мимо меня и, усевшись на завалинку, принялась за штопанье. Я же засучила рукава и, сверкнув очами на лешего, ринулась обратно в избу, будто воин в гущу боя, сражаться с немытыми полами.

«Может всё-таки стоило смыться спозаранку, как предлагал Мирт?» малодушно подумала я, тоскливо глядя на орудия убийства врага, то бишь на кадушку с водой и тряпку. «Ну, уж нет! Не сбегу с позором от трудностей, а преодолею их!» подбодрила я себя и, плюхнувшись на колени, принялась надраивать полы.

Справившись с непосильным трудом, я вновь выползла на дневной свет, шурясь будто крот, которого вытащили из норы.

Ну как? Навела чистоту, Марьянушка?

Я прищурилась, разглядывая задавшего вопрос.

А то как же, дядь Живко. Полы блестят не хуже княжьего серебряного блюда.

Вот и славно.

А где Мирт?

До друга пошёл, по делу. Скоро будет. Ты иди-ка Вязу подсоби с сетями, или подружке с рубахами, уж больно долго она над ними корпит.

Пусть корпит, она это дело любит, мстительно сказала я.

Ну что ж, тогда сети надо поправить, шуки да судаки совсем их изорвали. А я пока обед приготовлю. Ухой свеженькой угошу.

Живко зашагал к избе, а я к лешему, запутавшемуся в сетях.

Большая рыбка попалась, смотрю, усмехнулась я.

Вяз пытался выпутаться из коварных ячей сети, развешанной на колышках, но это вышло с трудом.

Никогда не думал, что окажусь на месте беспомощной рыбёшки.

Давай помогу, не двигайся, я ловко заработала пальцами, расправляя нити и высвобождая руки Вяза.

Леший послушно замер и внимательно следил за работой.

У тебя складно получается.

Вот видишь, не так уж я и безнадёжна, улыбнулась я и заглянула в глаза лешему.

Удивительно, но сейчас его очи были нежно-зелёного оттенка молодой листвы. На щеках вновь появились задорные ямочки, во влажных кудрях застряли щепки. Хорош. Ах, хорош!

Я никогда и не говорил, что ты безнадёжна. Наоборот. На тебя вся надежда.

Моя улыбка померкла.

Ты думаешь всё и впрямь так серьёзно, как говорит Макошь?

Думаю, она не стала бы затевать всё это на пустом месте.

Тут ты прав, я выпутала, наконец, лешего из сети, Но что мы можем сделать, если положение окажется сложным?

Разве я могу ответить богине на сей вопрос? – Вяз выхватил из-за пояса льняную нить и точным движением завязал порванную ячейку. Всё зависит от людей, простых людей, которые живут, надеются и верят. Затем он протянул мне следующую нить и кивнул на очередную прореху. А вера – очень сильная вещь.

Всегда считала, что всё зависит от нас, богов. Что сила в нас, а не в них, мотнула я головой в сторону избы Живко.

Нет, ты не права. Сила в людях, в их сплочённости, воле, и в их вере в... будущее, в надежде на лучшую жизнь. Я не знаю, что ждёт нас всех, но чувствую, что грядут большие перемены.

Ты слишком рассудителен для простого лешего, я бросила испытующий взгляд на Вяза.

А может я не простой, блеснул тот зеленью очей.

Откуда ты знаешь Макошь¹⁴? зашла я с другой стороны.

Её знают все.

Я не про то. Почему она отправила с нами именно тебя?

Я хорошо знаю людей. Их привычки, обычаи, их быт.

Откуда? Ты же леший.

Вяз потупил взгляд, делая вид, что увлечён завязыванием нитей.

Вяз, ответь на вопрос.

Я не всегда был лешим. Когда-то я был человеком.

Я ахнула и немного отошла от собеседника, будто хотела посмотреть на него под другим углом.

Но как...

Эй, как вы тут? вдруг к нам подошёл Мирт, справляйтесь без меня?

Нет, у него определённо дар. Дар появляться не вовремя везде и во всём.

Представь себе, справляемся! А тебя где носило?! налетела я на друга.

Тише-тише, Морана, остынь. Я был у Хорта, расспросил его, как обстоят дела с новой верой в Лещинках...

И как? чересчур живо поинтересовался Вяз.

Как я и говорил, всё глухо и спокойно, как в омуте. У лещинцев одна вера – в священного окуня и неразрывную сеть. Всё остальное неважно. Нужно двигаться дальше.

¹⁴ Помимо того, что Макошь одна из главных среди пантеона богов, ей напрямую подчиняется вся лесная нечисть, в том числе и лешие.

Кстати по поводу движения. Как показал опыт, пешком путешествовать слишком тяжело, в первую очередь тяжело нашим прекрасным богиням.

И что ты предлагаешь?

Разжиться телегой и лошадью, как и говорил.

Здесь это явно не получится сделать, единственное средство передвижения, которое могут предложить нам в этой веске – лодка. На которую у нас нет средств.

Тогда идём до следующей вески и приобретаем телегу и лошадь там.

На какие шиши?

Это предоставь решать мне, ухмыльнулся Вяз.

Любопытно будет на это поглядеть, недоверчиво глянул на лешего волкодлак.

А какая следующая веска? влезла я в мужской разговор.

Смотря, в какую сторону податься. Если дальше вниз по Смородине, то Беличий Яр, а если в сторону столицы – Жаркий.

И куда мы направимся? повернулась я к лешему, как к главному в нашей стае, то есть компании.

Думаю надо двигаться в сторону столицы. То есть в Жаркий. В малых весках, как правильно заметил Мирт ещё всё спокойно, ветер дует с запада, туда и направимся.

И когда мы выходим? Сегодня? поскрёб бороду Мирт.

Сегодня уже поздно, выйдем завтра поутру.

Эй, вы там, хватит лясы точить, трапезничать пошли! выглянул Живко из дверей избы.

А где Сенька? вдруг спохватилась я, совершенно забыв о сестре.

Может в избу ушла? заозирался Вяз.

Или сбежала от вас обратно в Бор, пока не поздно, хохотнул волкодлак.

Не велика потеря, проворчала я и направились в сторону хаты.

Но как оказалось, пока мы с Вязом и Миртом «точили лясы», Авсения не только заштопала рубахи Живко, но и умудрилась помочь ему с готовкой. Видать начала девка втягиваться в весчанский быт, значит, не сбежит, как я надеялась.

Уха оказалась что надо, наваристая, ароматная, со свежим лучком да сдобренная пшеном. Стол вновь встретил нас ржаным хлебом-солью, квашеной капустой с брусникой, ломтями копчёного сала с аппетитной мясной прослойкой, а также квасом и медовухой. В небольшой тарелочке я углядела мочёные яблочки в янтарном сиропе, видать раздобрился хозяин, угодили работой. Как и в прошлый раз все с аппетитом набросились на еду, только ложки мелькали.

Эх, хорошо! отодвинул от себя пустую кружку волкодлак и сладко потянулся, Так бы и остался тут.

Так и оставайтесь, делов-то! Отстроите себе избу, река рядом, лес под боком. Слава Перуну и Дунаю¹⁵ живём тут, как сыр в масле катаемся!

Я украдкой бросила взгляд на красный угол. Божница была украшена когда-то белоснежными льняными полотенцами с узнаваемыми сюжетами и орнаментами богинь Лады и Макоши. Видимо остались ещё от жены. Как почитали Дуная в Лещинках местные рыбаки, знали, наверное, только они сами и их любимый водный бог. Мирт прав, всё тут подчинялось старым устоям, и это успокаивало.

¹⁵ Дунай – покровитель рыболовов, бог рек, озёр и рыбной ловли. Известно о нём крайне мало. Видать, как настоящий рыбак, он такой же суровый, скрытный и немногословный.

Спасибо, дядь Живко, заманчивая затея, но мы всё же двинемся завтра дальше. Если ты не против потерпеть нас ещё этот день, вежливо отклонил предложение Вяз.

Не переживайте, не выставлю. А вообще зря отказываетесь, здесь хорошо, спокойно.

Кто знает, может, ещё вернёмся, подмигнул мне Мирт. Покажем девкам мир и обратно, под бочок Заповедного Бора воротимся.

И правильно, своя-то земля роднее.

Авсения как-то уж тяжело при этом вздохнула. Видать и впрямь тяжело Осенней Богине с родных мест уходить.

Так незаметно прошёл ещё один день в Лешинках. Время от времени добродушный хозяин раздавал мелкие поручения то мне с Авсенией, то парням. Посмеивался в рыжую бороду, поглядывая на наши неумелые старания, но не лез с наскоку с нравоучениями, а степенно показывал, как правильно. Временами рассказывал разные житейские истории, шутовал, да смеялся. А под вечер вновь отправился на реку ставить сети, парней не стал брать с собой. А вот я напросилась пойти вместе с ним. Все удивились, но промолчали. Не смогла этого порыва объяснить и я сама, просто знала, что должна пойти. Может всё-таки чувство вины меня грызло по-тихому, не знаю.

По дороге к Смородине мы шли молча, Живко тихо насвистывал себе под нос, а я порой поглядывала на него, да обмахивалась лопухом от кровожадной живности. Рядом с рекой комаров было вдосталь. Вдруг мужичок свернул с наторенной дороги, и мы пошли через лужок, ведущий под откос. На меня повеяло водной прохладой, в высокой траве громко стрекотали кузнечики, оповещая о скорой ночи, на листе и стебельках выступила первая роса, где-то у воды свадебные песни горланили лягушки. Казалось, что нет ничего прекрасней на свете, чем просто жить, раскинуть руки, упасть в пряную траву и слушать ночные трели соловьёв. Жизнь... такая пьянящая, удалая, манящая и такая короткая...

Послушай, Живко...

Да?

А твоя жена... она была... на сносях, когда... ну... захворала той зимой?

Мужичок удивлённо вскинул брови и посмотрел мне в лицо. Я чувствовала его пытливый взгляд, однако нарочно не поворачивалась к нему.

Откуда ты знаешь про то?

Значит, была...

Была. Но откуда?

Я... не могу ответить. Просто знаю.

Он резко вдохнул и шумно выдохнул.

То дело прошлое. Снегом покрыто, да талой водой смыто. Я многое передумал. Рассказывал уже. Винить в том некого, ни людей, ни богов винить тогда не стал, да и сейчас не буду.

А вера твоя при этом... не пошатнулась?

Каждое утро встаю и спасибо говорю Сварогу¹⁶ и жене его Ладе, да сыновьям их – Сварожичам¹⁷, и само собой Дунаю, как же без заступника рыбаков. Я благодарен за то, что вижу солнечный свет, слышу плеск воды, вдыхаю аромат Земли-Матушки. Я жив – значит, так было нужно. А обиды у меня нет. Прибрала Морана моих – значит так судьбой уготовано. Видать такова их доля была. Я благодарен за то, что они ушли тихо, без боли и страданий.

У меня защемило в груди, я не знала, что ответить этому мудрому человеку. Раньше-то я и в расчёт не брала ни мысли, ни чувства простых людей. Что с них взять-то с непросвещённых, тёмных. А теперь... Я только кивнула.

¹⁶ Сварог – бог-творец, отец небесный.

¹⁷ Сварожичи – сыновья Сварога и богини Лады. Всего три сына Дажьбог Сварожич, Перун Сварожич и Огонь Сварожич

Знаю я, что неспроста ты за мной увязалась. Не бойся, если думаешь, что выдам вас, то зря думаешь. Не выдам.

О чём это ты, дядь Живко?

Да вижу я, что не простые вы девки-то. Парни вас защищают, помогают за селянок сойти, да не шибко выходит у вас. Да и защитнички ваши тоже не лыком шиты. Вон как Кукла от твоего братца шарахнулась, как от нечеловека. Я всё вижу. И чутью собачьему верю.

А почему не прогнал? Не испугался разве?

Я чего мне бояться-то? Сама Смерть к моему порогу подходила, да так и не перешагнула его.

«Зато сейчас с тобой запросто болтает» хмыкнула я про себя. А потом смело повернулась к нему и посмотрела глаза в глаза.

Хороший ты человек, Живко. Правильно живёшь, худа не делаешь, лишнего не берёшь, слабого не обижаешь. Так и впредь поступай, а боги за тобой приглядят.

Ручаешься-то? лукаво прищурил левый глаз Живко.

Слово даю. За дочь, за сына, за жену твою с неродившимся ребёнком проживёшь жизнь долгую, обещаю. За четверых проживёшь.

Да почто она мне. Одному маяться только...

Не говори так. Придёт твой срок, явится к тебе Смерть, сама к твоим путь покажет.

Я взяла его руку в свои и пристально посмотрела в его очи. В голубых глазах промелькнула тень понимания, но ни капли страха. Он кивнул только, сжал на мгновение мои руки, а потом мы вновь зашагали. Через десяток шагов вышли на крутой берег. Живко молча затопал вниз по вырубленным в бережку ступеням, закинув сети на плечи. Я огляделась, ища себе удобное местечко, чтобы присесть. Внизу заплескалось, рыбак ловко вывел в воду лодочку, предусмотрительно спрятанную в прибрежных кустах ивняка. Оттолкнувшись ногой, впрыгнул в неё и, правая веслом, поплыл вниз по течению. Я спокойным взглядом смотрела в спину удаляющейся фигуре. На душе у меня было легко. В розовом закатном небе звонко журчали ласточки, весело гоняясь друг за другом. Через пару дней наступал кресень¹⁸ и от осознания этого сердце радовалось. Жизнь шла своим чередом. Я улыбнулась. Как ни крути, а всё-таки люблю лето.

Глава 5

Народ, что дуб, не ветвями могуч, а корнями.

Следующим утром мы покинули Лещинки, а вместе с ними и дружелюбного Живко. Гостеприимный хозяин не предлагал остаться, собрал в дорогу нехитрую снедь, сгрёб в отдельный мешок вяленой рыбы, я было запротивилась, и так лишние рты кормил, но он был непреклонен. При расставании Живко крепко пожал руку Мирту, лукаво подмигнул Авсении, на меня смотрел долго и пристально, затем подошёл и обнял, как родную, а лешему что-то шепнул в ухо, затем хлопнул по плечу и махнул рукой, мол идите уже. Вяз немного смутился, но кивнул в ответ. И мы зашагали в сторону Жарков.

Что он тебе сказал? не удержалась я.

Ничего особенного, пожал плечами леший.

А по виду было совсем не так, не отставала я. Мирт, ты слышал, что сказал Вязу Живко?

Ну, слышал, пожёвывая зубами стебелёк пырея, ответил волкодлак.

И что?

Много будешь знать – скоро состаришься! хохотнул друг.

¹⁸ Кресень – июнь.

Дурень, обиделась я.

Ты же не рассказала нам, зачем вчера с Живко на реку ходила, поддел меня Мирт.

То не ваше дело.

А это – не твоё!

Ну и леший с вами! окончательно надулась я.

Конечно с нами, а с вами разве нет? продолжал веселиться противный волк.

Ладно, Мирт, не дразни Морану, встал на мою защиту Вяз.

А я и не дразню, наоборот забочусь. От лишних переживаний оберегаю, подмигнул тот.

Ишь, заботливый какой! пробурчала я.

Слушайте, а далеко нам шагать до следующей вески? вовремя сменила направление разговора Авсения.

Недалеко, к вечеру доберёмся, услужливо ответил Мирт.

А что это за веска? Большая?

Побольше Лещинок, но меньше Каменной Речки. Не переживай, Авсения, в Жарках мы с Вязом разживёмся телегой, и дальше будем путешествовать с удобством.

А в телегу мы впряжём нашего услужливого четвероногого друга, съязвила я.

Почему же? И лошадку раздобудем, заверил меня Вяз.

А чем расплачиваться станем? забеспокоилась Авсения.

Что-нибудь придумаем.

Странно, что Макошь не снабдила вас деньгами, отправляя на такое дело, задался вопросом Мирт.

Почему же не снабдила, наоборот, вдруг огорошил нас леший.

Что?! в один голос удивились мы все.

Ты же сам в Лещинках сказал, что у нас денег нет, трудом за кров отплатим! возмутилась я.

Сказал, не стал отпираться Вяз.

Но почему?

Так было надо.

Я задохнулась праведным гневом, не зная, как высказать печатными словами то, что я думаю по этому поводу. Авсения тоже стояла, раскрыв рот. А Мирт вдруг согнулся пополам и загоготал в голос.

Вот умора! Я не могу! как полоумный хохотал волкодлак.

Я, значит, рыбу чистила, вся в чешуе вымазалась, да полы намывала. А он...! А у него...! – печатных слов вдруг оказалось у меня не так уж много.

Не злитесь девушки, просто это была небольшая проверка на прочность. Так сказать сразу в бой, пока мы не ушли далеко.

Да я тебе щас покажу проверку на прочность! Ты у меня щас так далеко пойдёшь, нет, побежишь! продолжала я кипятиться, в руках у меня затрещали искры ледяного холода.

Морана... стой! Морана, ай! запрыгал на месте леший, уворачиваясь от льдинок, пущенных мною в предателя.

Мирт хохотал, аж слёзы на глазах выступили, а сестра таращилась на нас всех как на помешанных.

О боги, и за что мне досталась эта придурковатая компания, подняла к небу очи Авсения, идёте уже, пока вас кто-нибудь не увидел!

Морана... ай, твоя сестра права! вновь увернулся в сторону Вяз.

Но это же нечестно! Разве не так, Авсения?

Так, и я тоже возмущена, но ты ведёшь себя глупо.

Глупо?! Да я просто в бешенстве!

Зато ты хоть немного выпустила пар. Полегчало тебе, сестрица? держась за живот, спросил меня Мирт.

Я перестала швыряться сосульками и глубоко вдохнула в себя воздуха.

Немного.

Вот и отлично. Можем идти дальше.

Нет, не можем! Почему ты не сказал про деньги? вновь обратилась я к Вязу.

То был наказ Макоши. Использовать монеты только в крайних случаях. Добывать пропитание, ночлег и прочее путём найма и собственного труда.

В этом есть смысл. Соря деньгами ближе к народу не будешь, заметил Мирт. Так что зря ты на Вяза нападала, Морана. Но это было весело.

Это было глупо, вернула своё Авсения.

Девушки, я искренне прошу у вас прощения за это неудобство. Но я действовал по указанию Макоши.

Есть что-то ещё, чего мы не знаем о её указаниях? – строго спросила я Вяза.

Нет, не моргнув глазом, ответил леший.

И это уже было подозрительно.

В общем, поступим так, продолжил Вяз, в Жарках останавливаемся на постоялом дворе, если он там есть, разживаемся телегой и лошадью, расспрашиваем местный люд о ближайших весках, выбираем направление и отправляемся дальше. Согласны?

Все утвердительно кивнули.

Но в дальнейшем мы будем стараться не использовать деньги ради удобства, твёрдо подвёл итог главарь банды, то есть отряда.

Что, совсем-совсем? приуныла Авсения.

Совсем.

Богиня вздохнула и печально побрела по дороге вперёд. К неясному будущему.

Как и сказал Мирт, в Жарки мы вошли на закате дня. Благо дни сейчас стояли долгие, светлые, а ночи короткие, но это мало радовало, когда приходится шагать большое количество вёрст на своих двоих. Поэтому в веску мы пришли, еле передвигая ногами, уставшие и голодные. В отличие от Лещинок, в Жарках заплот стоял, только раскрытый нараспашку. Видимо весчане не успели его закрыть на ночь, а может, и вовсе не закрывали, не боясь ни врагов, ни воров, ни лесного зверья и нежити. Мы уверенно прошли внутрь и, заприметив в центре вески высокий журавль¹⁹, не сговариваясь, потопали к нему уж очень всех нас мучила жажда.

Водичка была студёная, вкусная. Вдоволь напившись и утеревшись рукавом, я отдала бадью Вязу. Парни любезно предоставили первоочередность утолить жажду нам с Авсенией, хотя сами еле стояли на ногах от усталости. А пока они набирали очередное ведро водой, я осмотрелась вокруг. К слову и нас уже успела оглядеть местная ребятня, да и не только она. Как и во многих весках Руси журавль стоял в самом центре Жарков, чтобы всем жителям было удобно приходить за водой, а заодно служил местом различных гульбищ, торжищ, сборищ, сплетнищ, да и вообще ласы поточить бабам где-то же надо! Вон, стоят уже, зенками на нас зыркают. В Лещинках из-за угла подглядывали, а тут, не стесняясь, в открытую смотрят.

Тётяшка, а вы откуда? подскочил ко мне чумазый мальчишка лет восьми, хитро косясь на стайку ребятни, что вытолкнула его как самого бойкого.

Мы – путники. Очень уставшие путники.

¹⁹ Речь идёт о колодце. Такой колодец имел особую разновидность подъёмного механизма, называемую журавлём по внешнему виду очень напоминавшую птицу.

Ого! А куда путь держите? деловито уточнил маленький собеседник, уперев руки в бока, явно подражая взрослым.

А по Руси-Матушке путь ведём. Городища, да веси посмотреть захотелось. Вот и к вам в Жарки заглянули, улыбнулась я.

Да у нас смотреть тут неча, скукота одна, махнул рукой мальчишка.

А тебя как звать-то, малой? подошёл к нам Мирт.

Деян я! А тебя, дядя?

А я – Мирт, протянул волкодлак мальчику руку и тот с серьёзным видом её пожал. А потом повернулся и подмигнул своим друзьям.

Видимо, это было тайным знаком, потому что не успела я охнуть, как нас тут же обступила со всех сторон разношёрстная ребятня, и воробьями, мальчишки заскакали вокруг нас.

Слушайте, ребята, а в Жарках есть постоянный двор? Али харчевня какая? Усталым путникам с дороги отдохнуть бы, спросил Вяз.

Нет, дядя, постоянных дворов не имеем, но вы можете остаться на ночь у нас, на правах главного в шайке объявил Деян.

Родители-то не будут против?

А вам есть чем заплатить? хитро сузил глаза мальчишка.

Есть, улыбаясь, ответил Вяз.

Тогда точно не будут против. Айда за мной, дорогу покажу! махнул рукой Деян, и важно выпятив грудь, ну вылитый воробей, причём стреляный, повёл нас вдоль главной улицы.

Остальные «воробы», чирикавая и перебивая друг друга, заскакали следом. Местные молча провожали нас взглядом. В сумерках было не разобрать, враждебно аль нет, встретили нас Жарки. Но за день я так устала, что сейчас мне было всё равно, только дайте прилечь и вытянуть натруженные ноги.

Тем временем Деян вывел нас к резной избе с высоким крыльцом, явно выделявшейся среди остальных хат, пусть и добротной сколоченных, но уступающих в высоте, да изяществе. Стоило нам подойти ближе, как изнутри вышел осанистый, под стать своей избе седовласый муж, назвать его старцем язык не поворачивался.

Вот ты где негодник, шалопай! Мать тебя ждёт-ждёт, а ты опять улизнул? А ну, брысь по домам! шикнул на остальных «воробьёв» грозный весчанин, и те, взвизгивая и хохоча, приснули в разные стороны.

Ну, деда! Не ругайся, я ж недолго. Смотри, кого я привёл, залебезил внук.

«Деда» перевёл хмурый взгляд на нас, изучающе осматривая, но ничего не говоря. Не будь я такой уставшей, убежала б подальше от пронизывающего тяжёлого взгляда хозяина избы. Авсения тоже стояла, нервно, переминаясь с ноги на ногу, будто собираясь рвануть следом за мной. Положение спас леший.

Добрый вечер, уважаемый. Мы простые путники, ищем кров на ночь, шли сегодня весь день, очень утомились. Если есть в вашей веске место, где мы могли бы потрапезничать, переночевать, и разжиться кой какими вещами, то скажите, куда можно податься? Деньги у нас есть.

При упоминании чудодейственного слова, старик немного смягчился.

Что ж. Путники, говоришь? Я – Зверополк, местный староста. Можете остановиться у меня в избе. Места хватит. Вас накормят, мовницу приготовят. Проходите, гостями будете. О деньгах на ночь не говорят, после. А если что недоброе задумали – Перуном клянусь, пожалете! сверкнул очами староста и, махнув рукой, ступил обратно в темноту избы. Деян следом за дедом просочился внутрь.

Я шумно сглотнула. Вот это староста, так староста.

О боги, я боюсь этого старика даже больше самого Перуна, шепнула мне Авсения.

А я думала, ты не боишься простых людишек, хмыкнула в ответ я.

Да какой уж он простой? Вон какие глазищи, будто молнии плещутся в них!

Ага, переодетый Перун поди и есть. Сам собой клянётся аж! Ох, Сенька, сейчас я бы даже самого Рода не испугалась, дайте только лапти ненавистные стянуть! устало вздохнула я и вошла следом за Вязом и Миртом в избу.

Попотчивали нас, к слову сказать, знатно. Сразу видно, дом богатый и стол был ему под стать. Тушёная репа с луком, морковью и сочным мясом, да свежий хлеб с парным молоком были нам наградой за долгий день пути. За столом нам прислуживали снохи старосты, только и успевавшие ставить, да убирать тарелки. Сам староста компанию нам не составил, пожелал доброй ночи и удалился на свою половину избы. Но и без него внимания нам хватало – то и дело в проходе или из-под стола выглядывали любопытные мордашки ещё не отправленных спать детей, у печи, прямо около слюдяного окна сидела старушка, и что-то мурлыча себе под нос, проворно пряла, да порой искоса поглядывала на неожиданных гостей. Где-то в глубине дома хныкал младенец, да хохотали мужики. Сколько же здесь клетей? Хотя, чего удивляться? Как и везде, в Жарках жили большими семьями по несколько поколений в одном доме. Очень многое зависело от достатка семьи. Чем выше сословие, тем просторнее и удобнее жильё. Роду старосты повезло, хоромы отстроили себе знатные, простора хватает, а ведь многие семьи ютились в тесных душных помещениях, спать укладываясь прямо на пол. До личного пространства да близости речи не шло – всё и все были друг у друга на виду. Проблемы, ссоры, советы – всё решалось за одним столом, чаще всего главой семейства. Так и жили...

«Интересно, куда нас на ночлег определят?», после сытного ужина хотелось сладко потянуться и отправиться на боковую.

Девушки лягут в клетки старших девочек. Мои дочки вам уступят свою постель. А парни могут расположиться в сенях. Там тюфяки соломенные, овчинные тулупы, если холодно станет, будто прочитав мои мысли, промолвила одна из невесток.

Эх, опять нам в сенях куковать, вздохнул Мирт, Морана, пустишь к себе под бочок переночевать? тихонько проговорил волкодлак, пихая меня в вожаемую часть тела.

Во-первых, я – Марьяна. А во-вторых, не пушу, а то укусишь за бочок и утащишь во лесок, а я только оттуда пришла и спать в ракитовом кусте у меня никакого желания нет!

А ты не ложись на краю, тогда не укушу, подмигнул мне Мирт, а Сенька с Вязом почему-то дружно прыснули со смеху.

Вы всегда так общаетесь? спросил леший.

Да! в один голос ответили мы с волкодлаком.

Это замечательно, когда есть такие друзья, которые в случае чего и спину прикроют и...

От скуки помереть не дадут! хохотнул Мирт.

Ага, вот только бочок лучше держать от него подальше, проворчала я.

Да ладно, тебе, Марьяша, смипись ты, наконец, что я прибил к вашему отряду, снова пихнул меня под рёбра лучший друг.

Вот именно, что прибил, как пёс дворовой, потёрла я бок.

Но согласись, что со мной весело. Ну так что, мир? протянул мне ладонь друг.

Ладно уж, мир, мы пожали друг другу руки, но под бочок попасть даже не надейся!

Ну и ладно, тут и без твоего упитанного бочка есть уйма других, блеснул синими очами волкодлак, беззастенчиво оглядывая невесток, убиравших со стола.

Смотри, кабы самому потом бока не намяли, предупредила я.

Не переживай, сестричка. Я в этом деле мастак.

Поэтому и говорю, что знаю.

Морана права. Сейчас ты не один, не подставляй себя лишний раз, да и нас заодно в неприятности не впутывай. После погуляешь, встал на мою сторону Вяз.

Да какие неприятности? Вы о чём? Я вообще-то самый порядочный волк на всей Руси! Ага, знаем мы таких, порядочных. Наслышаны, фыркнула Сенька.

Что? Морана, это ты обо мне нехорошие слухи распространяешь? возмутился волкодлак. А что сразу я, мне делать больше, по-твоему, нечего?

Видимо!

Ладно, хватит вам. А то опять поссоритесь, попытался сгладить ситуацию леший.

В этот момент к столу подошла старшая сноха.

Мовница готова. Кто первым пойдёт? спросила она.

Пусть парни идут. Не люблю первый пар, повела я плечом. Я пока тут посижу.

Что ж, пошли Мирт, поманил Вяз друга.

А я тогда пойду, помогу с постелью, вдруг вызвалась Авсения.

Хорошо. Брена, бери себе помощницу, идите, да малых проверь, чтобы ложились, обратилась старшая к младшей, при этом проворно составляя грязную посуду в высокую стопку.

Авсения последовала за Бреной, парни тоже не стали задерживаться. Я осталась за столом одна. Подперев голову рукой, устремила взгляд на танцующий огонёк лучины, закреплённой в светце около старухи-прядильщицы. Пальцы той ловко скручивали кудель в мягкие нити, а веретено кружило, кружило, упрямо закручивая их в тугой клубок. Время неумолимо текло из-под пальцев пряжи, или утекало? Я невольно вспомнила Макошь. Какую судьбу плели нам её небесные помощницы? Что уготовано великим богам земли русской? Неужели, правда, суждено нам сгинуть в хаосе иноверия? Я перевела взгляд на лопасть прялки, украшенную (само собой) символами Великой Матери. Зачем она отправила нас в этот нелепый поход, ведь судьбу нашу она уже знала...

Конечно, вдруг осенило меня! Она знает, что ждёт нас в будущем, тогда зачем всё это? «Вейся, вейся, кудель,

На Макошин день!

Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!

Лён да полотно —

Матушкино добро.

Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!

Беленым холстом

Тебе поднесём²⁰...»

Я вздрогнула и перевела взгляд на старушку. Та монотонно раскачиваясь, пела старую, как мир, песню, восхваляя любимую богиню.

«Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!

²⁰ Обрядовая песня древних славян.

Честно деревце

Кругом обовьём.

Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!

Кругом обовьём,

Молоком польём...»

Сердце сжалось от простых, знакомых слов. Каждая девочка, девушка, женщина знает эти строки. Эти слова связывали одно поколение с другим – предыдущее с последующим. И так происходило многие-многие летá. Знали и пели эти слова и люди и боги, и старики и дети. Красивый напевный голос старушки уносил меня далеко-далеко, в начало времён. Что-то приходит в этот мир и уходит из него. А что-то остаётся навечно. Это вечное передаётся с молоком матери, оно бежит по нашим венам вместе с кровью, оно поддерживает нас в трудную пору, стоит только напеть знакомые слова...

А кудель всё крутилась, крутилась, крутилась. У нас общая судьба – у богов и людей. Мы неразрывны, как крепкая льняная нить. Мы как корни одного дерева, что передают свою силу и знания ветвям и листьям. Мы – это сотни деревьев, тысячи. Мы – это лес. Нас не истребить одним ударом топора. Наш род неистребим. И если даже придёт другая вера, мы останемся жить. Даже если срубить дерево, через время, оно пустит новый росток, ибо корни так просто не уничтожить. Так и память о нас не уничтожить, она останется жить: в песнях, сказаниях, символах, что вырезаны на прялках. В сердцах людей.

«Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!

Молоком польём,

Хлеба поднесём.

Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!

Хлеба поднесём,

Славу воспоём!

Прядись, пряженька,

Славься, Матушка!»

Я смахнула накатившую слезу. Кажется, я начала понимать, для чего был задуман этот поход мудрой Матерью-богиней.

Так сладко мне не спалось уже давно. Несмотря на приглушённый шум большого дома и его обитателей, несмотря на острые локти и коленки Авсении, что всю ночь пихали меня куда ни попадя (ещё неизвестно кто оказался худшим соседом под моим несчастным бочком) – я выпалась. Открыв глаза, сразу встретила с взглядом черноглазой девчушкой лет пяти, которая сидела на коленках напротив лавки и внимательно меня изучала.

Привет, дружелюбно сказала я.

Девчушка шмыгнула носом, но промолчала.

Я повернула голову, проверяя, спит ли Сенька и со злорадным удовольствием пихнула её в бок. Но та лишь пробурчала что-то невразумительное и натянула тёплое одеяло повыше.

А я знаю, кто ты, вдруг пискнула девчонка.

Я повернулась к маленькой гостье и напряжённо взгляделась в серьёзное личико.

«Этого ещё не хватало!»

Да? И кто же?

Ты княжна. А они твои служки.

Я приснула со смеха и расслабилась.

Что, и она тоже моя служка? – кивнула я на Авсению, беззастенчиво похрапывающую рядышком.

Ну-у-у...нет. То есть не совсем, засомневалась девчушка.

А почему ты решила, что я княжна?

У тебя руки красивые. Пальцы такие...тоненькие. Такими пальцами толком не поработаешь. У моей маменьки совсем другие руки.

Хм... я поглядела на свои изящные пальцы, пожалуй, ты права. Только давай, это будет наш секрет. Ты никому не говори, что я княжна, хорошо?

Хорошо! согласно кивнула девочка. Маменька сказала, что пора вставать. Третьи петухи уже давно пропели, а эти княжны всё спят! Вот!

С этими словами девочка подскочила и вихрем унеслась прочь.

Что ж, теперь понятно, с чего вдруг меня княжной нарекли. Я сладко потянулась и нехотя села. Изображать княжну у меня получалось куда лучше, чем весчанку.

Сенька, вставай! вновь пихнула я сестру.

Ммм?

Вставай, лежебока! Новый день пришёл.

О, боги, как же хорошо. Можно я останусь тут навсегда...

Конечно, нет! Вставай, лентяйка! Нас ждут дела.

Я уверенно встала и разгладила руками мятую рубаху, потом натянула понёву и наспех переплела косу. О лаптях думать совершенно не хотелось.

Выйдя в горницу, я увидела старшую сноху и, окликнув её, хотела спросить, встали уже парни или нет. Вид у той был заполошенный, испуганный. Она отмахнулась и побежала в сени, спешно натягивая на себя мужскую свиту²¹.

Что-то случилось? – рядом вновь вертелась моя утренняя гостья.

Ага. Деян запропал.

Как это, «запропал»?

А так, нету его дома. И не ночевал он.

Он же вместе с нами вчера в избу заходил! Куда же он мог деться? не поняла я.

Утёк видать, покуда взрослые заняты были.

И что, никто из младших его не видел?

Неа.

²¹ Свита – длинная верхняя распашная одежда, разновидность кафтана.

Где он спит обычно? С кем?

На полати, за печкой, либо на лежанке с Радеем.

Кто такой Радей?

Наш средний брат.

А он не пропал?

Неа.

И Деяна он не видел, выходит?

Не видел, подтвердила маленькая собеседница.

А тебя как звать?

Ляля.

Ну беги, Ляля.

Девочка крутнулась волчком и вновь убежала.

Может, всё не так уж и страшно? Наверняка удрал к другу, да и остался ночевать у того в хате, а тут уже шум подняли. Тем не менее, я поспешила вслед за снохой из избы и на пороге почти нос к носу столкнулась с Вязом.

Мальчика нашли? вместо приветствия задала я вопрос лешему.

Ты уже знаешь?

Птичка напела. Так его нашли?

Леший отрицательно покачал головой.

А его друзей расспрашивали? Может он заночевал у кого-то? Побоялся строгого деда, а теперь скрывается от неминуемой трёпки, – предположила я.

Да, в первую очередь пошли по дворам, где бы он мог остаться на ночь.

И?

Ещё не все вернулись. Ждём Мирта и двух сыновей Зверополка.

Что ж, надеюсь, всё обойдётся и этого шалопая сейчас приведут домой.

Будем надеяться, кивнул леший.

В этот момент к нам вышла заспанная и растрёпанная Авсения.

Что случилось? совсем по-детски протерев глаза кулаками, спросила сестрица. Что за суматоха снаружи?

Пока ты почивать изволила, мальчик пропал, грубовато ответила я. Идёмте-ка наружу, там всё и узнаем.

Авсения удивлённо открыла рот, но видя, что я беседы более вести не намерена, тут же его захлопнула и поплелась вслед за мной и лешим.

Во дворе уже собралась изрядная толпа людей, они шумно переговаривались и, поглядывая на хмурого старосту, будто ждали дальнейших указаний. В воздухе висело напряжение, не сулившее ничего хорошего. Одновременно с нами к толпе подошли трое мужчин, среди которых был и Мирт. Вид у всех троих был сосредоточенный, мрачный.

Не нашёлся? глухо спросил Зверополк.

Мужчины покачали головами.

Что ж... хм.

Мой мальчик! О, боги! вдруг заголосила сноха и рухнула на колени, заламывая руки.

Стася, уймись, дурёха! Найдём Деяна. Сам лично уши ему надеру, попытался успокоить сноху староста.

В толпе зашумели громче. Кто-то из баб подошёл к распластавшейся в пыли женщине, попытался её утешить. Мужики наперебой обсуждали дальнейший план поисков. Староста хмуро стоял, ссутулившись, кивал невпопад, о чём-то думал.

«Неужто сломался?» подумалось мне. Но нет, взял себя в руки, зычно призвал к порядку.

Я вопросительно посмотрела на Мирта. Он легонько повёл головой в сторону, будто приглашая нас отойти в сторону. И пока Зверополк раздавал указания весчанам, куда кому идти и где искать пропавшего, мы трое обступили Мирта.

Ты его учуял? задал первым вопрос леший.

Да. От порога дома он действительно шёл в сторону одной из хат. Но потом что-то его отвлекло, и он поменял направление.

Куда же он пошёл? спросила я.

За околицу.

А дальше? – я нетерпеливо притопывала ногой.

Мне удалось проследить его путь совсем немного. Пока он шёл по дороге я почти видел его след, но потом он свернул с тропы. И запах рассеялся. К тому же ночью выпала роса и приглушила запах мальчика.

В какую сторону он шёл? вновь спросил Вяз.

На восход солнца. Туда, махнул рукой Мирт.

Мы дружно повернули головы в сторону разнотравного пряного луга, что плавно спускался к берегу Смородины.

Он шёл к реке? спросила Авсения.

Не похоже. До неё почти верста, одному да по темени. Зачем ему туда? – с сомнением в голосе ответил Мирт.

А если его кто-то выманил? – призадумался Вяз.

Кто?

Нежить? – предположила Авсения.

Эх, жаль Варса сейчас с нами нет. Он бы увидел, с сожалением вздохнула я.

Кстати, а где он? Разве он не должен быть сейчас с тобой, Морана? – повернулся ко мне Мирт.

Должен. Он обещал присоединится к нам как только мы выйдем из Бора, но видимо всё-таки поостерёгся запрета Макоши. А где твой Лютый? – повернулась я к сестре.

Я велела ему оставаться в Бору. Толку с него? За собаку он вряд ли сойдёт, только лишнее внимание к нам привлекать будет, пожала плечами Авсения.

Ну и зря.

Нет, не зря, Морана. Я пекусь о своём советнике в отличие от тебя.

Что? А я, по-твоему, не пекусь? – возмутилась я.

Видимо, нет, раз заставила филина преступить законы Макоши.

Я заставила? Ах, ты, мерзкая плутовка! Варс говорил, что и Лютый присоединится к тебе! Да я тебя...

Стоп! Морана успокойся. Сейчас не время выяснять отношения, схватил меня за рукав рубахи Вяз.

Авсения при этом малодушно спряталась за спину Мирта.

Это она начала! – возмущённо зашипела я, вырываясь из рук лешего.

А ты закончи! – тихо, но твёрдо оборвал меня Вяз, Сейчас весь пыл нужно пустить на благое дело, а не на мелкие склоки с сестрой.

Я с возмущением уставилась на лешего, не побоявшегося вклиниться между двумя богинями.

Отпусти, – глухим голосом приказала я.

Мой взгляд пылал гневом, ноздри раздувались, того и гляди не выдержу и смету вьюгой непутёвого лешего.

Нет, вновь произнёс твёрдо Вяз.

Охристо-зелёный взгляд очей лешего был устремлён на меня, он тепло обволакивал, словно мёдом, успокаивал. Так пристально и долго вглядываться в его глаза мне ещё не прихо-

дилось. Травянистые, с янтарными искорками, разбегающимися от чёрной точки зрачка, они были прекрасные и одновременно пугающие, как у змеи, что завораживает свою жертву неотрывным взглядом. Я поняла, что он не боялся меня, не пытался подстроиться или задобрить. Он непоколебимо стоял на своём. Скорее всего, стоял бы так до самого конца. Я ощутила в нём силу, которую давно не ощущала. И эта была другая сила. Не магическая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.